

СЕВЕРО – ОСЕТИНСКИЙ ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ И СОЦИАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ им. В.И. АБАЕВА –
ФИЛИАЛ ФЕДЕРАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО БЮДЖЕТНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ НАУКИ
ФЕДЕРАЛЬНОГО НАУЧНОГО ЦЕНТРА «ВЛАДИКАВКАЗСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК»

ИЗВЕСТИЯ СОИГСИ

ШКОЛА МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

Вып. 31, 2022

Владикавказ 2022

**ИЗВЕСТИЯ СОИГСИ
ШКОЛА МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ**

Научный журнал
Гуманитарные науки

Главный редактор
И. Т. Марзоев

Редакционная коллегия:
Е. Б. Бесолова,
Э. Ш. Гутиева (ответственный секретарь),
Е. Б. Дзапарова, Ф.О. Абаева

Учредитель:

СЕВЕРО – ОСЕТИНСКИЙ ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ И СОЦИАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ им. В.И. АБАЕВА –
ФИЛИАЛ ФЕДЕРАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО БЮДЖЕТНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ НАУКИ
ФЕДЕРАЛЬНОГО НАУЧНОГО ЦЕНТРА "ВЛАДИКАВКАЗСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК"

Адрес редакции и учредителя:
362040, РСО-Алания, г. Владикавказ, пр. Мира, 10
е – mail: soigsi@mail.ru

*Мнения, выраженные в статьях, отражают личные взгляды авторов
и не всегда совпадают с точкой зрения редколлегии
и редакции журнала*

ISSN 2310 – 578X

© СОИГСИ ВНЦ РАН, 2022

СОДЕРЖАНИЕ

I. ИСТОРИЯ

Засеев Г.А. ОРГАНИЗАЦИЯ И РАБОТА ИЗБ-ЧИТАЛЕН В ОСЕТИИ В 20-Е ГОДЫ XX ВЕКА	5
Кабисов З.О. ЮЖНАЯ ОСЕТИЯ И ЕЕ ПОСЛАНЦЫ В БИТВЕ ЗА КАВКАЗ	15
Секинаев С.А. ГОСПИТАЛИ НА ТЕРРИТОРИИ СЕВЕРНОЙ ОСЕТИИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ	23

II. АРХЕОЛОГИЯ. ЭТНОЛОГИЯ. КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Даева Т.Т. БРАЧНО-СЕМЕЙНОЕ ПРАВО ОСЕТИН В ИССЛЕДОВАНИЯХ КОНЦА XVIII – XIX ВВ.	30
Дзалаева К.Р. ВОЗРОЖДЕНИЕ ШЕЛКОВОДСТВА КАК ПЕРСПЕКТИВНОЙ ОТРАСЛИ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.	38
Кануков З.Т. ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ФАКТОР В ФОРМИРОВАНИИ КУЛЬТА ЖИВОТНЫХ У ОСЕТИН И ПЕРСОВ	52

III. ФИЛОЛОГИЯ

Абаева Ф.О. НАЗВАНИЯ ТРАДИЦИОННОЙ ПИЩИ В ОСЕТИНСКОМ ЯЗЫКЕ.....	59
Хомченкова И.А. ГЛАГОЛ <i>ИВЫН'МЕНЯТЬ</i> В ОСЕТИНСКОМ ЯЗЫКЕ	69
Плаева Л.Дз. НАРОДНЫЙ СЮЖЕТ О ЧЕРМЕНЕ ТУЛАТОВЕ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ОТРАЖЕНИИ Г.ДЗ. ПЛИЕВА.....	76
Годизова А.К., Хетагурова К.И. ХУДОЖЕСТВЕННОЕ СВОЕОБРАЗИЕ ПОЭЗИИ А.С. ГУЛУЕВА	84
Дзарасов В. С. ИНТРОСПЕКТИВНЫЙ КРИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ АВТОРСКОГО ПОЭТИЧЕСКОГО ПЕРЕВОДА	93
Багаева И.Г., Хурумова Э.К. ДЕВИЧЬЯ СУДЬБА В СТИХОТВОРЕНИИ «ВЕРЕТЕНО» Г.МАЛИТИ	102
Хетагурова К.И., Гобозова А.Э. ЖАНРОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ РОМАНА НАФИ ДЖУСОЙТЫ «КРОВЬ ПРЕДКОВ»	110
IV. НАУЧНЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ	115

І. ИСТОРИЯ

**Г.А. Засеев,
аспирант, мнс СОИГСИ им. В.И. Абаева
(г. Владикавказ)**

ОРГАНИЗАЦИЯ И РАБОТА ИЗБ-ЧИТАЛЕН В ОСЕТИИ В 20-Е ГОДЫ XX ВЕКА

Одной из важных задач советской власти при работе с населением была ликвидация общей неграмотности, а в качестве одного из средств осуществления политики ликбеза использовались учреждения, называемые избами-читальнями, которые должны были существовать во всех уголках молодого советского государства. В данной статье предпринята попытка рассмотреть основные принципы и задачи в работе изб-читален и их роли на поприще устранения среди народных масс политической и культурной неграмотности. Рассказывается в статье о том, как регулировалась и организовывалась работа изб-читален, в чем заключались основные задачи организаторов читален и избачей, какие официальные правительственные постановления принимались в отношении данных просветительских учреждений. Актуальность статьи заключается в том, что, помимо общей характеристики данных учреждений и основных официальных положений, касающихся их функционирования, стоит уделить более обстоятельное внимание работе читален непосредственно на территории Северной Осетии в первой половине 20-х годов XX века. Цель работы – рассмотреть то, как организовывались и действовали избы-читальни на территории Советской России, какую нишу в деле просвещения они занимали, а также проанализировать работу данных учреждений в национальных республиках, на примере Северной Осетии. С использованием архивных источников ЦГА РСФСР автор предпринял попытку дать характеристику осетинским избам-читальням, представить наиболее выраженные проблемы, с которыми они сталкивались в своей работе. Сделан вывод об общей роли, которую

играли читальни в системе политического просвещения преимущественно деревенского крестьянского населения.

Ключевые слова: изба-читальня, агитация, ликвидация неграмотности, просвещение, народное образование, СССР.

One of the important tasks of the Soviet government in working with the population was the elimination of general illiteracy. As one of the means for implementing the policy of educational program, institutions called reading huts were used, which were supposed to exist in all corners of the young Soviet state. This article attempts to consider the basic principles and tasks in the work of reading huts and their role in the field of eliminating political and cultural illiteracy among the masses. The article tells about how the work of reading huts was regulated and organized, what were the main tasks of the organizers of reading rooms and huts, what official government decrees were adopted in relation to these educational institutions. The relevance of the article lies in the fact that in addition to the general characteristics of these institutions and the main official provisions regarding their functioning, it is worth paying more attention to the work of reading rooms directly on the territory of North Ossetia in the first half of the 20s of the XX century. The purpose of the work is to consider how reading rooms were organized and operated on the territory of Soviet Russia, what niche they occupied in education, and also to analyze the work of these institutions in the national republics, using the example of North Ossetia. With the use of official archival sources, the characteristics of the Ossetian reading rooms and the most pronounced problems that they encountered in their work were presented. The conclusion is made about the general role played by reading rooms in the system of political education of the predominantly rural peasant population.

Keywords: reading huts, agitation, illiteracy eradication, education, newspapers, public education, USSR.

Одним из видов сельских клубных учреждений в Советском Союзе были избы-читальни, возникшие в первые годы советской власти. Сельские клубные учреждения играли значительную роль в ликвидации безграмотности в крестьянской среде, распространении современных аграрных знаний, коллективизации сельского хозяйства и так далее. Так, например, во второй половине 1920-х годов власти рассматривали сельские клубы и читальни как место проведения колхозной агитации [1, 31–36]. Направление и содержание работы этих заведений определялись циркуляром ВЦИК и СНК РСФСР от 18 сентября 1924 года и Постановлением ЦК ВКП(б) от 11 ноября 1929 года «Об избах-читальнях» [2, 50].

В отделе народного образования осетинского ревкома 29 мая

1920 года была представлена всеобщая инструкция организаторам изб-читален [3, 1]. Отдел народного образования должен был быть хорошо осведомлен о значении изб-читален: так как их работа была направлена в первую очередь на село и деревню, организатор читален, приезжая в сельскую местность, должен был идти в исполком коммунистической ячейки и там излагать суть своей работы. Ему, помимо этого, необходимо было рассказывать населению об избах-читальнях, устраивать пробное чтение вслух и собеседование. Когда внимание деревни привлекалось, созывались сходки. На сходке должна была вводиться резолюция о необходимости организации избы-читальни, рассматривался вопрос о выделении здания под избу и возчика, который обязан был перевозить почту в избу-читальню. Сход также должен был дать свое согласие на оказание всякой помощи в работе избы-читальни. Организатор должен был подробно разъяснять, что такое совет избы, для чего он выбирается, каковы его обязанности, на какой срок выбираются члены. В данные советы планировалось привлекать наиболее бывалых, пользующихся влиянием и революционно настроенных людей. После того, как совет избы выбирался, организатор должен был подробно проинструктировать его, указать главную задачу, которая заключалась в привлечении населения к чтению газет и книг.

Говоря о собеседованиях, стоит пояснить, что за них должны были браться начитанные люди. Нужно было указывать, как готовиться к чтению, чтобы заинтересовать слушателей, чтобы им снова захотелось посетить избу-читальню. Чтецам необходимо было прочитать статьи несколько раз самим, чтобы чтение на публику было более выразительным.

Необходимо было также связать совет избы с волостными и районными центрами, организовывать при избе-читальне школу грамоты, справочную работу и экскурсию. «Не раз и не два придется организатору и волостному или районному центру помогать советами избе. Тут надо не только распорядиться, не только открыть избу, но и наладить всю её работу, втянуть в эту работу население, и тогда избы могут сыграть громадную роль в поднятии уровня политической и общей сознательности деревни», – отмечала заведующая внешкольным подотделом НКП В. Папольская. Работники, подбираемые из числа партийных и комсомольских активистов, должны

были ходить по дворам, ездить на полевые станы и лесозаготовки, приглашая людей провести вечер в избах-читальнях [4, 76–81].

В 1925 году инспектором народного комиссариата просвещения В.П. Чаплиевым был составлен доклад-заключение по обследованию дела народного образования в Северо-Осетинской автономной области с 14 по 23 января 1925 года. В данном докладе, помимо всего прочего, рассматривалось и положение изб-читален на территории края. Так, отмечалось, что помощь избам-читальням была неорганизованной, посылка газет в них производилась нерегулярно и с большим запозданием. В докладе логично акцентировалась необходимость увеличения сети изб-читален и более активное снабжение их газетами. По поводу читален был сделан вывод о том, что они недостаточно развились за период своего существования. Отмечалось, что изба-читальня была слабо обставлена инвентарем, плохо снабжалась газетами. При Гизельской избе имелась библиотека, состоявшая из 493 книг. Сельсоветом на приобретение книг было изыскано 109 рублей, и библиотека оценивалась, в целом, как удовлетворительная по количеству книг [5, 55]. При этом беллетристический отдел отмечался как крайне слабый. Все книги были на русском языке и использовались очень слабо.

Помещение Гизельской избы-читальни также использовалось местным комсомолом для репетиций политпросвет работы. На свои вечера комсомольцы привлекали и женщин в качестве зрителей. Отметить стоит, что при строительстве изб-читален также предусматривалась возможность их использования под киносеансы с условием бесплатного пропуски бедняков [6, 130–132].

В общем заключении доклада отмечалось, что изба-читальня не являлась центром политико-просветительной работы даже для Гизели. При избе не было совета, и она не являлась районным центром политпросвет- работы. Также указывалось на то, что руководители не имеют представления о сущности работы читальни и сводят ее только к работе с книгой и газетой. Руководство избой-читальней со стороны органов народного образования отмечалось как весьма слабое. Вместе с замечаниями в отчете были приведены и предложения по улучшению работы избы-читальни. Необходимо было организовать совет. Здесь же указывалось на необходимость взять курс на районную избу-читальню и, в первую очередь, на вовлече-

ние в работу близлежащего села Новая Саниба, жителей которого нужно было включить в состав совета избы. Большое значение для осетинского народа имел вопрос о вовлечении женщин в политико-просветительную работу. Раскрепощение женщины от адатов отмечалось как одна из задач избы-читальни. Рекомендовалось обратить внимание на организацию женских культурных кружков, школ, втягивание женщин в смешанные кружки.

Местным учащимся советовали принять участие в организационной работе в избе-читальне. Необходимо было, чтобы она также выполняла справочные функции для местного населения, была проводником разных компаний, организатором кружков и их руководителем. Работа с книгой и газетой требовала расширения. Следовало привлечь к общественно-культурной работе избы школьный коллектив. Значительная часть крестьян не пользовалась книгами в связи с отдаленностью читальни, поэтому необходимо было организовать передвижные библиотеки по селу, привлекая к организации передвижек членов партии, сельсовета и учеников 4-й группы. Выдвигалась и идея использования ныхасов для приближения газеты и книги к крестьянству. Осетинскому отделу народного образования вменялось снабдить избы-читальню центральными и местными газетами.

На заседании бюро Северо-Осетинского областного комитета РКП (б) 2 февраля 1925 года, Г.А. Дзагуров согласился практически со всеми замечаниями и выводами заключения-доклада по обследованию народного образования в Северной Осетии. 23 апреля 1925 года в отдел народного образования было направлено постановление народного комиссариата просвещения по докладу инспектора НКП Чаплиева. В общем и целом данное постановление указывало на необходимость исправления всех ошибок и недоработок, которые были указаны при обследовании дела народного образования. На местах в каждом округе нужно было организовать по одной опорной избе-читальне и одному опорно-инструктивному ликпункту, обратив их в практический центр методической работы на местах. Следовало также взять рекомендованный курс на организацию районных читален в центральных крупных населенных пунктах, развивая сеть красных уголков в окрестных населенных пунктах как филиалы избы-читальни. Вместе с союзом работников

просвещения следовало разработать вопрос о более активном участии учительства в работе читальни. Необходимо было также укомплектовать 10 передвижных библиотек для изб-читален округов, о чем говорилось еще в плане работ политпросвета на март, апрель и май 1924 года [7, 144].

Деятельность изб-читален находилась под пристальным контролем органов власти [8, 15–21]. 13 съезд РКП (б) в мае 1924 года уделил много внимания вопросам строительства деревни. Даны были не только общие директивы, но и указан ряд практических мероприятий. В частности, большое место было уделено вопросу о культурной и политпросветработе в деревне. К тому времени осетинский ОНО смог открыть только 15 ликпунктов при 396 учащихся, три клуба и 4 избы-читальни. На этом фоне интересным является факт того, что в некоторых селениях открывались избы-читальни, не подведомственные ОНО. «Почти все плоскостные села открыли избы, купив крестьянские библиотечки. Эти избы не оплачиваются», – отмечалось в ЦИКе Северо-Осетинской автономной области [9, 1].

Была приведена информация, согласно которой в 1924 году изб-читален в округах было 34, а в 1926 году – уже 60 с 60 платными работниками. На 1 октября 1923 года изб-читален во всей Горской республике, к слову, насчитывалось всего 19 [10, 21].

В Правобережном округе имелась одна опорно-инструктивная изба-читальня. Так как население в культурном отношении продвигалось вперед, в политпросвет ежедневно поступали требования об открытии новых изб-читален там, где их еще не было. В отчете о клубах также отмечалось, что они ничем не отличались от изб-читален в плане функционирования, единственным исключением были вечера, которые иногда ставились в клубах [11, 24]. Снова отмечался факт недостаточного снабжения изб-читален и клубов необходимой литературой.

Замечалось, что в 1925 учебном году читальни и клубы в достаточном количестве снабжались газетами, журналами и руководящими материалами, как местными, так и центральными, но по причине перехода кредита в округа в 1926 году, избы-читальни и клубы заявляли, что газеты и журналы они больше не получают. Еще раз отмечалась слабая работа в читальнях и клубах и тот факт, что изучение читательских интересов в них почти не велось, избачи плохо

представляли себе эту работу, несмотря на то, что им посылались руководящие пособия Главполитпросвета.

Вопросы, связанные с избами-читальнями, затрагивались в резолюции IV съезда политпросветов, утвержденной президиумом Главполитпросвета 20 июня 1926 года и вносимые в коллегию НКП. Съезд посчитал абсолютно незамедлительно выполнить директиву XIII партийного съезда об одной избе-читальне на неукрепленную волость, там, где эта директива еще не была выполнена, не ставя при этом задачи неукрепления сети бюджетных волостных и сельских читален. Во весь рост следовало поставить вопросы строительства новых помещений, так как развертываемая работа быстро перерастала возможности избы-читальни, Главполитпросвету следовало разработать этот вопрос и добиваться содействия НКП в деле отпуска необходимых денежных средств. Главполитпросвету, в свою очередь, требовалось проработать принципы дальнейшего строительства сети изб-читален и библиотек, установив определенные принципы политики построения сети с учетом количества обслуживаемого населения [12, 3]. Признавалась и необходимость увеличения изб-читален для работы с национальными меньшинствами СССР. Почти у всех национальных меньшинств изба-читальня начинала занимать положение центра массовой политпросветработы, посему нужно было укреплять ее материальное положение.

XIII съезд РКП (б) подчеркнул, что деревня стояла на распутье, переживала переломный момент, происходило активное формирование ее нового лица. Поэтому политпросветработы в деревне являлась одной из самых важных, ударных работ.

На четвертом съезде политпросветов было заявлено, что сеть изб-читален по всей РСФСР в общем достигла того количества, которое было указано партийным съездом. Изба-читальня в значительной мере стала центром политпросвет деятельности в деревне, усилилась работа по ликвидации неграмотности, была положена основа накоплению библиотечного ядра. Кружки, особенно сельскохозяйственные, также заняли определенное место в политико-просветительной работе, во всех укрупненных волостях были организованы справочные столы.

В свою очередь, на XIV партийном съезде 1925 года перед полит-

просветами был выдвинут ряд новых, больших задач. Систематизировав основные задачи социалистического строительства, установив принципы правильного толкования путей его дальнейшего развития, этот съезд подчеркнул необходимость специальной работы среди пролетарских и полупролетарских слоев деревни в виде батраков и бедноты. Была выдвинута также новая задача по постановке пропаганды по индустриализации страны. В то же время был подчеркнут рост советской общественности, усиление крестьянских масс. Необходимо было вместе с этим расширить сеть военных уголков при избах-читальнях в целях укрепления обороноспособности республики на случай нападения классовых врагов. Следовало повысить качество их работы, закрепляя связь трудящихся с Красной Армией и широко используя все формы и методы ликвидации военной безграмотности. Центральным советом военно-научного общества, отделения которого имелись во всех уездных городах и с которым связывался Главполитпросвет, велся учет кружков военных знаний [12, 153] (КВЗ) и военных уголков при избах.

Отмечалось также, что правильно поставленная просветительская работа была бы возможна только при условии прочной связи между всеми учреждениями и организациями губернии, уезда и волости. План работы каждой избы должен был строиться на основе предполагающихся местных хозяйственных мероприятий, а избачи должны были быть в курсе всех основных задач партии и советской власти на данной территории. Губернские методические бюро должны были разрабатывать план своей работы в деревне на основе материалов губернских планов, отмечая для каждой волости, на что именно надо обращать внимание в экономической пропаганде, какие вопросы нужно сделать ударными. При построении плана обязательно должен был быть учтен и краеведческий материал. Для его проработки необходимо было использовать работу местных музеев, с которыми политпросветам стоило держать тесную связь.

Имба-читальня помимо всего должна была оказывать помощь в строительстве советской власти. Просветительская работа не должна была отстоять в стороне от работы советов. Ей следовало при помощи пропаганды способствовать повышению процента избирателей, их умению критиковать проделанную работу, намечать то, что должно быть сделано. Все это требовало не только участия в

кампании, но и повседневной работы в этом направлении. Участие изб-читален в этой работе в большинстве случаев выражалось в составлении избами кандидатских списков и раздаче повесток избирателям, причем, к этой работе иногда привлекались пионеры. В 1926 году некоторые избы проводили также собрания среди бедноты, женщин, батраков и молодежи под контролем ВКП (б) и ВЛКСМ. Отмечалось, что, несмотря на противодействие со стороны кулаков, старавшихся срывать подобные собрания, избачи и представители ячеек разъясняли собравшим цели и задачи советской власти, необходимость крепкой организации бедняцких элементов, чтобы не допустить проникновение кулачества в совет.

Работники избы должны были стремиться способствовать организации секций в волостных исполнительных комитетах и сельсоветах. Работа большинства ВИКов страдала отсутствием связи с населением как раз по причине отсутствия секций. Избам-читальням нужно было тщательно подбирать сведения для членов разных секций, обрабатывать их в наглядные формы и сравнивать. Это должно было помочь населению отчетливо видеть проделанную работу и изменение положения, а также понимать, что еще нужно сделать. Здесь, замечалось, что избачи не должны были сами проделывать данную работу. Им следовало организовывать кружки, актив избы-читальни. Особенно тщательно нужно было собирать материал, касающийся помощи советам в их практической работе. Без этого, как говорилось, «работа может выродиться в простое культурничество в проведении всякого рода парадов» [12, 150].

Таким образом, можно отметить, что избы-читальни занимали существенное место в области политико-просветительской работы Советской власти с народными массами страны. Уделяя большое внимание такой серьезной проблеме, как неграмотность населения, советское правительство всячески стремилось организовать и наладить продуктивную работу культурно-просветительских учреждений. Партийные и советские органы развернули большую работу в создании пунктов по ликвидации неграмотности, привлекая население, производя подбор и подготовку кадров ликвидаторов [13, 16]. Несмотря на то, что работа изб-читален не всегда шла гладко и продуктивно, особенно в национальных районах страны, стоит признать, что деятельность читален все же оказала весьма

значительное влияние на повышение уровня образования и политической грамотности среди беднейших и наиболее отсталых слоев крестьянского населения СССР.

1. Головина Э. Т. Особенности функционирования изб-читален на Ставрополье в 1920-1930-е гг. // Гуманитарные и юридические исследования. Ставрополь: СКФУ, 2015. Вып. 4. С. 31-36.

2. Большая Советская энциклопедия. В 30 т. /под ред. А.М.Прохорова. М.: Советская Энциклопедия, 1972. Т.10. 591 с.

3. ЦГА РСО-А. Ф. 49. Оп. 1. Д. 425.

4. Номогоева В. В. Изба-читальня в первые годы советской власти (на примере Бурятии) // Вестник БГУ. Улан-Удэ. 2015. Вып. 7. С. 76-81.

5. ЦГА РСО-А. Ф. 49. Оп. 1. Д. 536.

6. Полянскова Л. Ю. Влияние радио- и кинофикации деревни на социокультурный облик крестьянства Среднего Поволжья (1921-1929 гг.) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2010. Вып.1 (5). С. 130-132.

7. ЦГА РСО-А. Ф. 81. Оп. 1. Д. 254.

8. Кулачков В. В. Изба-читальня в жизни крестьян 1920-х гг. (историографический обзор) // История: факты и символы. Елец, 2019. Вып. 3 (20). С. 15-21.

9. ЦГА РСО-А. Ф. 124. Оп. 1. Д. 558.

10. ЦГА РСО-А. Ф. 41. Оп1. Д.44, л21.

11. ЦГА РСО-А. Ф. 124. Оп1. Д.358.

12. ЦГА РСО-А. Ф. 124. Оп1. Д.596.

13. Рехвишвили И.И. Культурное строительство в Горской республике (1920–1924 гг.). Орджоникидзе: СОГПИ, 1967. 33 с.

**З.О. Кабисов,
студент ЮОГУ им. А.А. Тибилова
(г. Цхинвал, РЮО)**

ЮЖНАЯ ОСЕТИЯ И ЕЕ ПОСЛАНЦЫ В БИТВЕ ЗА КАВКАЗ

В статье рассматривается деятельность трудящихся Южной Осетии и ее представителей на фронтах в годы Великой Отечественной войны и непосредственно в период битвы за Кавказ. Юго-Осетинская автономная область оказывала содействие фронту и тылу в разных сферах: в промышленности, в сельском хозяйстве, а также человеческими ресурсами. Труженики юга Осетии, несмотря на все трудности военного времени, ответственно выполняли заказы фронта, чтобы обеспечивать солдат на передовой всем необходимым. Благодаря правильной организации труда и мобилизации ресурсов колхозы и промышленные предприятия автономной области в разы повысили экономическую эффективность в период войны. Свой вклад в укрепление патриотических настроений и мотивации к победе внесли и работники сферы культуры и искусства. Период Великой Отечественной войны для большинства из них стал важным этапом их творчества. Представители Южной Осетии принимали и непосредственное участие в битве за Кавказ на фронтах этого эпического сражения.

Ключевые слова: Битва за Кавказ, Южная Осетия, осетины, промышленность, сельское хозяйство.

This paper examines the active participation of Ossetians in the Great Patriotic War, specifically in the Battle for the Caucasus. This topic is relevant because the role of Ossetia as a whole and the contribution to the victory in the Great Patriotic War occupies a special place in the history of Ossetia. There is a lot of evidence that Ossetians took an active part in the war and showed their best side. Ossetia, as a region, tried to help the front in different directions: industrial, agricultural, as well as people who were sent to the front. Thus, from the work done, we learn that the Ossetians and Ossetia as a whole showed their positive qualities in order to win during the battle for the Caucasus. They showed their organization and diligence in order to provide the front with the products they produced. And they also showed their courage and bravery, whose heroism was admired after the war.

Keywords: The battle for the Caucasus, Ossetia, ossetians, industry, agriculture.

Уже с первых дней немецкого вторжения в СССР все сферы жизни Юго-Осетинской автономной области (ЮОАО) были переведены на военные рельсы. Всю хозяйственную деятельность пришлось перестраивать на военный лад, чтобы удовлетворять потребности фронта.

О решительной перестройке всей работы говорят постановления Областного исполнительного комитета ЮОАО от 1 августа 1941 г. «О мобилизационном народнохозяйственном плане на третий квартал 1941 г.» и от 8 августа того же года «О сокращении расходов по внелимитным затратам капитального и других видов хозяйственного строительства» [1, 78]. На их основе осуществлялись конкретные мероприятия по переводу всех отраслей экономики на военный лад.

Уже летом 1941 г. трудящиеся Юго-Осетии делают свои первые взносы в фонд обороны страны. Увеличиваются часы по военно-физической подготовке учащихся в школах. В городе Цхинвал и районах организовано проводятся мероприятия по приему и размещению эвакуированных из прифронтовой полосы граждан СССР.

Оборонно-массовая работа основывалась на подготовке боевых резервов Красной Армии по линии Всеобуча и освоения гражданами основ противохимической и противовоздушной обороны, организацией истребительных батальонов по борьбе с вражескими шпионами и диверсантами и т. д.

Особое внимание было уделено формированию специальных подразделений по подготовке истребителей танков, станковых пулеметчиков, снайперов, горных стрелков, кавалеристов. Занятия по подготовке пилотов в Цхинвальском аэроклубе и в некоторых других спецподразделениях происходили с отрывом от производства в обстановке, приближенной к боевым условиям, поскольку курсанты предназначались для отправки на фронт в первую очередь. Решающую роль во Всеобуче, в особенности в работе спецподразделений, сыграли комсомольские организации. Они создавали комсомольско-молодежные подразделения, являвшиеся примером тактической и политической подготовки.

Почти все население за исключением детей проходило подготовку по противовоздушной и противохимической обороне. Проводилось множество тренировочных занятий в противогазах, в га-

зовых палатках и на полях. Одновременно с этим население ЮОАО подготавливало газубежища, укрытия, приспособлявая для этой цели подвальные и другие помещения.

Бойцы пяти истребительных батальонов, созданных в городе Цхинвал и районах Юго-Осетии, охраняли дороги, мосты, объекты народного хозяйства, несли службу в пунктах наблюдения за воздушным пространством и находились в состоянии боевой готовности на случай любых диверсий врага в тылу.

Особенно напряженную работу трудящиеся Юго-Осетии проводили в дни жестоких боев за Кавказ. Немецко-фашистские захватчики старались любой ценой овладеть Кавказом с его богатыми ресурсами, дабы, используя их, улучшить свое положение на других фронтах.

В июле 1942 г. немцы захватили Ростов-на-Дону, и начинается наступление в направлении Северного Кавказа. Битва за Кавказ была важной военной операцией во время Великой Отечественной войны, ее события охватывают период с 1942 по 1943 г. Сначала для Красной Армии военная кампания развивалась не очень удачно. Враг дошел до ворот Владикавказа, многие предприятия, организации и учебные учреждения были эвакуированы из города.

Осенью 1942 г. Юго-Осетинская автономная область превратилась в прифронтовую зону, немецкие войска пытались перейти по горным тропам через Главный Кавказский хребет на территорию автономии. Сюда регулярно забрасывались диверсанты на парашютах, предпринимались попытки устроить диверсии и посеять панику. В ноябре месяце над г. Сталинир (Цхинвал) появился немецкий бомбардировщик, прилетевший с аэродрома под Владикавказом, пилот спикировал свой самолет на город и сбросил две бомбы.

15 сентября 1942 г. в г. Сталинире было объявлено военное положение и создана военная комендатура [2, 74.]. Комендантом гарнизона и управлением милиции были установлены контрольно-регулирующие и милицейские посты. Был создан также батальон по охране и обороне перевалов.

Отдельным распоряжением запрещалось появление жителей без особого разрешения на улицах, площадях и других общественных местах после определенного часа, ограничено свободное передвижение граждан по железнодорожным и шоссейным дорогам.

Для переезда из одного пункта в другой требовалось получить разрешение, которое выдавалось органами НКВД [3, 54].

Деятельность правоохранительных органов протекала в трудных условиях, не хватало людей. Многие сотрудники милиции с первых дней войны ушли на фронт. В то же время появилось много обязанностей, связанных с условиями военного времени: борьба с вражескими парашютистами-диверсантами, нарушителями правил военного учета, дезертирами и паникерами.

Помимо мероприятий мобилизационного характера руководство автономной области должно было решать задачи обеспечения фронта продовольствием и материалами, произведенными местной промышленностью.

Сельское хозяйство Южной Осетии выполняло в период битвы за Кавказ две сложные задачи. Во-первых, из колхозов были отправлены на фронт лучшая техника МТС, автомашины и лошади. Ушла на войну наиболее трудоспособная и квалифицированная часть сельского населения. Достаточно сказать, что с 23 июля 1941 г. по 23 февраля 1944 г. в Советскую Армию было направлено: лошадей верховых – 277, артиллерийских – 45, вьючных – 60, обозных – 1331, повозок парных и одноконных с упряжью – 38, автомобилей легковых – 16, грузовиков – 74, специальных – 4, мотоциклов – 2 и тракторов – 5. Всего было отправлено – 1 713 лошадей и 94 автомобиля [4, 119].

Во-вторых, стало необходимым в сжатые сроки полностью выполнить все сельскохозяйственные работы, дать стране как можно больше продуктов питания и сырья для промышленности, а также освоить новые земли с целью увеличения посевных площадей и предпринять все меры, чтобы повысить урожайность.

Главная трудность, испытываемая тружениками тыла области, заключалась в резком сокращении численности наиболее трудоспособной части населения в связи с уходом на фронт. Общее количество трудоспособных колхозников Южной Осетии в 1942 г. по сравнению с 1940 г. уменьшилось на 24,8 %. Благодаря принятым мерам со стороны партийных и советских органов необходимое количество колхозников было оперативно восстановлено за счет привлечения к работам в поле женщин, стариков и детей.

В 1942 г. в Южной Осетии было 457 колхоза, в которых было объединено 15 974 хозяйств. Здесь были фермы с содержанием круп-

ного и мелкого рогатого скота, свиней, птицефермы, конефермы, а также пчелиные хозяйства [5].

Для того чтобы увеличить поставки сельскохозяйственных продуктов Красной Армии и населению городов, обеспечить продовольствием граждан, обеспечить сырьем промышленность, требовалось не только увеличить посевные площади, но и повысить урожайность. Труженики автономной области справились и с этой задачей. Благодаря грамотной работе, с увеличением посевных площадей, повысилась и урожайность. Результатом послужила хорошо налаженное и организованное проведение агротехнических мероприятий, благодаря чему в 1942 г. был получен высокий урожай.

В автономной области промышленность была представлена обработкой древесины, добычей полезных ископаемых, производством кирпича, извести и электроэнергии. Однако эта сфера народного хозяйства по сравнению с аграрным сектором была развита слабее. Тем не менее удалось максимально использовать все имеющиеся резервы: где-то сокращать расходы, где-то наращивать производство.

К началу битвы за Кавказ Южная Осетия располагала слаборазвитой промышленностью, в структуру которого входили такие виды отрасли, как лесобработывающая, силикатная, пищевая и горная. Наиболее приспособленной для военных нужд оказалась деревообработывающая промышленность. На Чуришевском и Джалабетском лесозаводах и на Сталинирском (Цхинвальском) лесокombинате было налажено производство деревянных изделий для авиастроения и пехотных подразделений.

В период битвы за Кавказ приостановилось строительство промышленных предприятий, а также некоторых объектов для населения, все внимание было обращено на производство продукции для фронта. На обслуживание военных нужд полностью переводились предприятия лесобработывающей промышленности, перед которой была поставлена задача налаживания производства стратегического сырья. Другие отрасли промышленности тоже работали в области удовлетворения нужд фронта. Некоторые производства, сокращая выпуск продукции мирного времени, заменяли ее на военную продукцию. На территории Южной Осетии производились для фронта инвентарь для саперных, транспортных и хозяйствен-

ных подразделений. Кроме этого, изготавливались элементы боевых гранат и винтовок, некоторые виды штабной мебели.

По сравнению с довоенным периодом значительно было улучшено медицинское обслуживание населения. Для этого, помимо существовавших на территории Юго-Осетии организаций здравоохранения, были созданы санитарные посты. Серьезное внимание уделялось медицинской помощи эвакуированному населению. Работу по медицинскому обслуживанию беженцев из оккупированных областей возглавил специально созданный при Облздравотделе комитет. Прибывавшие из прифронтовой полосы беспризорные дети до трехлетнего возраста находили приют в яслях и Доме младенца, а дошкольного возраста в детдомах автономной области.

Органы здравоохранения возглавили работу по подготовке через организации Красного Креста санитарно-оборонных кадров, а также медсестер и работников санитарных постов.

Важным мероприятием оборонного характера явилось вовлечение населения в ряды доноров. Жители Юго-Осетии в большом количестве отдавали кровь защитникам Родины в особенности в период обороны Кавказа.

Органы здравоохранения оказывали помощь госпиталю, привлекая к этому городские организации и учреждения, а также колхозы. Для воинов, лечившихся в Цхинвальском госпитале, молодежь города создала библиотеку, организовывала вечера и концерты.

Большая работа проводилась по сбору лекарственного, витаминизированного сырья. Из врачей, специалистов и биологов автономной области создавались комиссии, которые определяли ассортимент имеющихся на территории Юго-Осетии лекарственных и пищевых растений. Сбору подлежали кавказская ромашка, шиповник, скуппия и сумаха.

В период битвы за Кавказ областная типография большими тиражами печатала художественную, общественно-политическую, агитационную литературу, а во время сражений на Кавказе типография, кроме издания литературы, выполняла и заказы фронта.

В Юго-Осетинском педагогическом институте проводилась политико-воспитательная работа, она стала обязательным условием всего учебного процесса [6]. Прикрепленные к курсам агитаторы выступали перед студентами с лекциями и докладами по текущей

ситуации, читали лекции и доклады на актуальные темы.

Необходимо отметить и активную деятельность работников культуры и искусства ЮОАО. Создавались художественные произведения патриотического характера: поэмы, стихотворения, очерки, романы, песни.

Особое место занимало драматическое искусство. В период битвы за Кавказ Цхинвал стал своеобразной театральной Меккой, так как в ЮОАО было эвакуировано несколько театров. На сцене Юго-Осетинского драматического театра блистали актеры МХАТа, Харьковского музыкального театра, Северо-Осетинского государственного драматического театра и оперной студии.

С началом битвы за Кавказ работники искусства внесли некоторые коррективы в свою деятельность. Главным мотивом их творчества стала тема героической битвы за Кавказ.

Героике фронта и тыла в дни этой исторической битвы посвящены произведения художника М. Туганова «Бой в Алагирском ущелье», «Трудящиеся Южной Осетии вносят свои средства на танковую колонну», «Тыл Южной Осетии в помощь фронту», портреты героев Советского Союза – славных сынов осетинского народа. Эту же тематику отражают работы талантливого скульптора И. Дзантиева «Освобождение Кавказа», «Смерть партизанки», «Женщина в Отечественной войне» и др.

Уроженцы Южной Осетии непосредственно участвовали и в битве за Кавказ. Среди них Герои Советского Союза, морской офицер К. Кочиев и летчик С. Коблов, член Военного совета 46-й армии Г. Санакоев, командир 1159 стрелкового полка Г. Габараев, начальник политотдела 417 дивизии Х. Басаев, известный осетинский поэт Р. Асаев, а также сотни красноармейцев, призванных из Юго-Осетинской автономной области [2, 203-250].

Григорий Георгиевич Санакоев отличился тем, что помогал и разрабатывал мероприятия по обеспечению солдат боеприпасами и продовольствием в то время, когда находился в частях и соединениях армии.

Свою отвагу в героической обороне Севастополя показал и Константин Георгиевич Кочиев. Он принимал самое активное участие в сражениях за Кавказ, во всех десантных операциях Черноморского флота.

Сергей Константинович Коблов отметился результативными действиями во время войны. Коблов обладал отличной выучкой, высоким мастерством пилота, летал при любых метеоусловиях, имел многократные победы над летчиками Люфтваффе.

Сформированная в Тбилиси 46-ая армия была оперативно создана с целью помешать планам немцев, рвущихся в Закавказье. Эта армия обороняла перевалы центральной части Главного Кавказского хребта –Мамисон, Клухор, Марух и Санчаро. Солдаты и офицеры армии героически сражались против немецких захватчиков, отстоявая Черноморское побережье на всем его протяжении от Туапсе до Сочи.

Победа советских войск в битве за Кавказ явилась доказательством торжества национальной политики и единства народов, которые проживали в СССР. Свой вклад в эту победу внесла и Южная Осетия, самоотверженностью тружеников тыла и героизмом своих посланцев на полях сражений.

1.Юго-Осетия в период Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.). Документы и материалы / сост. Б.З. Плиев, С.С. Касабиев. Цхинвал: Книжный сектор юго-осетинского издательства, 1963. 569 с.

2.Гассиев В.И. Битва за Кавказ. Цхинвал: Ирыстон, 2005. 314 с.

3.Княжев В.Б. Милиция Южной Осетии. Исторические вехи и современность. Цхинвал: Ирыстон, 2021. 346 с.

4.Плиев Б.З. Трудящиеся Юго-Осетии в период Великой Отечественной войны. Сталинир: Госиздат, 1957. 233 с.

5.Кулумбегов Р.П. Южная Осетия в годы Великой Отечественной войны, 2016 [сайт] <https://respublikarso.org/history/1031-yuzhnaya-oseitiya-v-gody-velikoy-otechestvennoy.html>. (дата обращения 08.12.2021).

6.Кулумбегов Р.П. Южная Осетия. Год за годом (1942 г.). 2012 [сайт] <https://respublikarso.org/history/175-yuzhnaya-oseitiya-god-za-godom-1942-god.html>. (дата обращения 5.03.2021).

С.А. Секинаев,
мнс СОИГСИ им. В.И. Абаева
(Владикавказ)

ГОСПИТАЛИ НА ТЕРРИТОРИИ СЕВЕРНОЙ ОСЕТИИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В статье рассматривается работа госпиталей, действовавших на территории Северной Осетии в годы Великой Отечественной войны. На основе архивных материалов показана важнейшая деятельность сотрудников этих учреждений и трудности, с которыми они сталкивались. Изучение истории госпиталей на территории Северной Осетии имеет большое значение для изучения истории нашей республики в годы Великой Отечественной войны, особенно сегодня, когда страна отмечает 77-ю годовщину Великой Отечественной войны. Поэтому главной задачей является всестороннее и глубокое изучение исторического опыта организации здравоохранения в годы Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: Госпитали, ВОВ, Северная Осетия, медицинский персонал, общественные организации, лечение.

The article deals with the work of hospitals operating on the territory of North Ossetia during the Great Patriotic War. The most important activities of the staff of these institutions and the difficulties they encountered are shown on the basis of archival materials. The study of the history of hospitals on the territory of North Ossetia is very important for learning the history of our republic during the Great Patriotic War, especially today, when the country celebrates the 77th anniversary of the Great Patriotic War. Therefore, the main task is to study the historical experience of organising healthcare during the Great Patriotic War in a comprehensive and in-depth manner.

Keywords: Hospitals, WWII, North Ossetia, medical personnel, public organizations, treatment.

«Составной частью государственной политики в области здравоохранения в годы Великой Отечественной войны стало создание сети эвакуогоспиталей (эвакуационный госпиталь – ЭГ, тыловые лечебные учреждения, созданные в годы Великой Отечественной войны для оказания квалифицированной и специализированной медицинской помощи раненым и больным, прибывающим с фронта, оказания первоочередной медицинской помощи рабочим крупных промышленных предприятий, дислоцировавшимся в городе, а

также для оказания помощи женщинам, детям, инвалидам войны и труда)» [1, 93]. Целью исследования явилось изучение опыта формирования и организации деятельности эвакуационных госпиталей на территории Северной Осетии в годы Великой Отечественной войны.

С первых дней войны партийные и советские органы с военкоматами вплотную занялись организацией госпиталей и размещением, в них пребывающих с фронта раненых. «В начале войны в г. Орджоникидзе было развернуто два госпиталя Наркомздрава СО АССР – госпиталь №1628 на 500 коек и госпиталь №1621 – на 200 коек, кроме того, одно здание было предусмотрено для расширения гарнизонного госпиталя» [2, л.30]. Жители города приняли активное участие в оборудовании и благоустройстве этих эвакогоспиталей. Постановлением бюро Северо-Осетинского обкома ВКП (б) был создан специальный комитет по оказанию помощи и обслуживанию больных и раненых бойцов, командиров и политработников Красной армии. Возглавлял его второй секретарь Северо-Осетинского обкома ВКП (б) А.П. Газзаев. Комитет занимался организацией помощи органам здравоохранения, обеспечивал повседневный контроль и наблюдение за работой госпиталей, организовывал над ними шефство предприятий, учреждений, оказывал помощь в приеме пребывающих в госпитали раненых бойцов и командиров, также помогал в проведении культурно-просветительской работы среди раненых [3, л. 2-13].

Госпитальная сеть Наркомздрава республики в первой половине 1942 года уже имела 13 госпиталей, а за годы войны на территории Северной Осетии работало 25 госпиталей. Первые госпитали на территории республики открывались, прежде всего, в больницах и клиниках, однако позже пришлось использовать для этой цели здания школ, техникумов, институтов, гостиниц, общежитий и клубов. По решению местных органов власти для размещения госпиталей в Орджоникидзе были использованы полностью или частично здания горно-металлургического, сельскохозяйственного, медицинского, педагогического институтов, горно-металлургического техникума, педагогического, ремесленного училищ, девяти общеобразовательных школ, клуба ВРЗ, дома Советов. Кроме того, в период битвы за Кавказ на территории 34 населенных пунктов Северной Осетии

в разные периоды дислоцировалось 144 подразделения, части и учреждения медико-санитарной службы Красной армии [4, 144]. Госпитали были открыты и в горных населенных пунктах: Фаснале, Даргавсе, Мацуте, Кобани и других местах. В них служили, работали, выполняя свой патриотический долг, более 900 дочерей Осетии. Вопросами оборудования, медицинского и культурного обслуживания госпиталей занимались обком, горком и райкомы партии, комсомольские, профсоюзные и хозяйственные организации. Каждый госпиталь был закреплен за определенной организацией, которая, кроме материальной помощи организовывала и культурный досуг раненых. За короткое время с помощью шефов госпитальные палаты были, насколько это было возможно в условиях войны, благоустроены. Для того чтобы представить, какую большую работу провели госпитали Северной Осетии в годы Великой Отечественной войны, достаточно рассказать о деятельности эвагоспиталя №1620, начальником которого был майор медицинской службы А.А. Езеев. Он отдал много сил, здоровья и знаний, чтобы обеспечить нормальную работу вверенного ему госпиталя. Применялись новые методы лечения, рекомендованные местными профессорами. Езеев строго следил за порядком и дисциплиной медицинского персонала, за обслуживанием раненых солдат и офицеров. В эвакогоспиталь №1620, развернутый на второй день войны в здании Орджоникидзевского горно-металлургического техникума, первая партия раненых и больных поступила уже 5 июля 1941 года. В приведении госпиталя в образцовый порядок приняли участие шефы: Севосторг и управление железной дороги. За время войны шефами из районов и города в госпиталь было доставлено: яиц – 13700 штук, кур – 1000 штук, фасоли – 298 кг, фруктов – 2100 кг, сыра – 272 кг, меда – 52 кг, сала – 110 кг, мяса – 320 кг. Щедрую помощь госпиталю продуктами питания оказывали колхозники из с. Чикола и Ардонского района. За 1941 – 1945 годы госпиталь принял 25872 раненых солдат, сержантов и офицеров Красной армии. Было излечено и отправлено в воинские части 20130 человек (78%), уволено из РККА – 1565 чел. (6%), умерло – 85 чел. (0,5%) [5, л.5]. «Большую помощь в развертывании госпиталей оказывали общественность и население города. Организации и жители снабжали госпитали мебелью, предметами хозяйственного и культурного обихода. Колхозы республики, учреждения и пред-

приятия оказывали огромную помощь в организации питания раненых и больных». Колхозы и совхозы Северной Осетии за годы войны безвозмездно передали госпиталям 593 головы крупного и мелкого рогатого скота, 10 тонн мяса, 6800 кур, 330 кг сала, 2500 кг сливочного масла, 2000 кг сыра, 15600 л молока, 1600 кг меда, 19 тонн картофеля, 35 тонн овощей, 28,5 тонн фруктов, 85034 руб. деньгами и т.д. [6, 216].

Лучшие специалисты медицинского фронта были направлены на работу в госпитали. Большую практическую помощь врачебному персоналу оказывали профессора Северо-Осетинского государственного мединститута: А.Д. Миртовский, С.И. Полиевктов, Х.И. Перельман. В числе лучших врачей эвагоспиталей были: начальник медчасти В.В. Филиппова, начальник эвагоспиталя №1620, кандидат медицинских наук, майор медицинской службы А.А. Езеев, врач В.И. Гурбанова, начальник отделения Р.Б. Дзиева. Отлично зарекомендовали себя старшая операционная сестра З.М. Себетова, старшая медсестра С.И. Варис, гинеколог 3-й городской амбулатории К.Т. Тургиева, зав. отделением эвагоспиталя Н.Н. Архангельская, медицинские сестры эвагоспиталя №1620 Г.Т. Бабаянц, Ф.П. Гудиева и другие. Многие специалисты комиссариата здравоохранения республики перенесли свои служебные кабинеты в госпитали, чтобы самим принимать непосредственное участие в исключительно важной работе [7, л.129].

Талантливый ученый опытный практик Иван Гамусович Дзилихов, став главным хирургом одного из госпиталей, говорил: «Перед нами, медиками, стоят большие задачи в деле оказания помощи нашим защитникам. Мы обязаны самоотверженно трудиться над быстрым восстановлением здоровья наших дорогих бойцов и командиров, отдавая без остатка все свои знания, опыт, все достижения медицинской науки, все свои силы. Этому великому делу я посвящаю себя всецело. «Терпеть, не уставать, всегда быть в тонусе, - таким должен быть наш лозунг...». Иван Гамусович выражал не только свое мнение, но и мнение большинства других врачей и медицинского персонала, занятых этой благородной работой.

Медицинский персонал госпиталей работал и днем и ночью. Нагрузка на каждого сотрудника превысила обычную норму в два-три раза, а в отдельные дни боев – и до пяти раз. Большую работу по

приему и лечению раненых госпитали Северной Осетии провели в августе-декабре 1942 года в период ожесточенных боев под Моздоком, у Эльхотовских ворот, на подступах к Дигорскому, Алагирскому и Куртатинскому ущельям, у Майрамадага и Гизели. Самоотверженно трудились в эвакуогоспиталях старейшие врачи А.К. Карпов, И.Г. Дзилихов, Г.Ф. Дауров, Е.Г. Шанаев, Д.Р. Беликов и многие другие. Профессор В.Е. Робинсон создал специальный препарат, который способствовал заживлению ран на 6-8 дней быстрее обычного. За годы войны госпитали республики приняли свыше 300 тыс. раненых, больных солдат и офицеров. Из них в строй вернулось более 275 тыс. человек. Хорошо организованная система лечения в госпиталях республики дала блестящие результаты: 78 % раненых было возвращено в строй; летальность составила всего 0,3 %. Большое внимание уделялось культурному досугу раненых. «В эвакуогоспитале №1620 с 1941 по 1945 год было прочитано 875 лекций, 520 докладов, 2196 бесед, 2378 информационных. Библиотека госпиталя зафиксировала в своей картотеке 19495 читателей и 40136 прочитанных книг. За эти годы в госпитале состоялся 2321 киносеанс, причем, 1389 – в палатах для лежачих больных, 299 концертов провели артисты Госэстрады, 127 вечеров самодеятельности подготовил сам госпиталь. Примерно то же можно сказать и о деятельности других госпиталей в годы войны» [8, л.56].

Самоотверженно трудились женщины-медики. Отлично показали себя активистки общества «Красный Крест». Они, объединенные в санитарные дружины, появлялись всюду, где требовалась их неотложная помощь. Их работа не ограничивалась только оказанием медицинской помощи: они, как и другие женщины города, вязали теплые носки и перчатки, стирали, чинили белье раненых и больных, обеспечивали госпитали и многими необходимыми вещами.... За весь период функционирования госпиталей в г. Орджоникидзе в них постоянно работало 168 женщин из Осетии, из них 57 и после освобождения территории Осетии продолжили работу в рядах Красной армии.

Руководство госпиталей высоко ценило благородную работу санитарных дружинниц. Их работа получала достойную оценку и со стороны военных. Они не раз получали благодарности от командования Северной группы войск Закавказского фронта, командующих

армиями. Но самой большой благодарностью для них было доброе слово самих воинов, которые возвращали не только к жизни, но и в боевой строй [9, с.53].

Теплые письма получали многие врачи и медицинские сестры госпиталей Северной Осетии. Писали из многих городов и сел Советского Союза. Из колхоза «Рассвет» сел. Вильховцы Ждановского района Львовской области главный бухгалтер М.А. Гораныцо писал: «Мне, как бывшему фронтовику, часто приходится выступать перед школьниками с воспоминаниями, и всякий раз я вспоминаю ставшую мне родной Северную Осетию. Дело в том, что я в 1945 году находился на излечении в эвакуогоспитале, который располагался в г. Орджоникидзе. Рядом со мной в палате лежали люди самых разных национальностей. Все мы чувствовали большую заботу и внимание обслуживающего персонала и жителей города. Разве можно забыть тех людей, которые после трудового дня приходили к раненым бойцам, чтобы ласковым словом и делом помочь им поскорее встать на ноги... Я пробыл в вашем городе около шести месяцев и успел за это время познакомиться с его жителями и полюбить их... От имени бойцов, находившихся на излечении в эвакуогоспитале, и от себя лично прошу поблагодарить бывших врачей и медсестер, наших шефов из управления дороги, жителей города за все доброе, сделанное для нас». О том, какой поддержкой и вниманием местного населения были окружены медицинские учреждения на территории Северной Осетии в годы Великой Отечественной войны, и какую заботу проявляли о раненных бойцах в этих учреждениях, в 1980 году писал из Ленинграда бывший начальник полевого госпиталя № 2417 полковник медицинской службы в отставке И. Озолин: «Вспоминаю гостеприимное население Даргавса, с которым у нас, а именно у меня, как единственного врача медицинской группы в Даргавсе, сложились очень теплые, дружеские отношения. Когда мы покидали Даргавс, провожать нас пришло практически все население. На наших глазах и на глазах многих местных жителей блестели слезы. Мне не стыдно об этом писать спустя 37 лет. Я об этом пишу с гордостью и мечтаю побывать там еще раз, обнять милых моему сердцу друзей-осетин» [10, с.131].

Таким образом, в Северной Осетии в военные годы сформировалась серьезная госпитальная база. Ее динамика непрерывно из-

менялась в зависимости от ситуации на фронте. Устройство госпиталей протекало в два этапа. Эвакогоспитали организовывались на базе учебных заведений и учреждений гражданского здравоохранения. Трудности в материальном оснащении и кадровом обеспечении госпиталей появились с первых дней войны. Партийные, советские, общественные организации и органы здравоохранения сделали все возможное для улучшения бытового обслуживания больных, развернули подготовку медперсонала. Направленный характер носила шефская поддержка раненым и больным воинам.

-
1. Большой медицинский словарь. М., 2000.
 2. ЦГА РСО-А. Ф.1. Оп.1. Д.6. Л.30.
 3. ЦГА РСО-А. ФР.580. Оп.1. Д.83. Л.2-13.
 4. Народы Северного Кавказа в событиях Великой Отечественной войны: новые документы и материалы. Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 70-й годовщине Победы СССР в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. (28 апреля 2015 г.) Махачкала: Алеф, 2015. – 280.
 5. ИПД ГАНИ РСО-А. Ф.3. Оп.1. Д.16. Л.5.
 6. Магомедов А.А. Разгром немцев под Владикавказом. Владикавказ, 2008.
 7. ИПД ГАНИ РСО-А. Ф.3. Оп.1. Д.19. Л.129.
 8. ЦГА РСО-А. ФР.580. Оп.1. Д.86. Л.56.
 9. Перевалова Е.С. Женщины Северной Осетии в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. Владикавказ, Ир. 1992. 151.
 10. Гадзиева-Балаова Ф.Д. Война у порога. Владикавказ: Ир, 2019. 224 с.

II. АРХЕОЛОГИЯ. ЭТНОЛОГИЯ. КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Т.Т. Дауева,
кин, снс СОИГСИ им. В. И. Абаева
(г. Владикавказ)

БРАЧНО-СЕМЕЙНОЕ ПРАВО ОСЕТИН В ИССЛЕДОВАНИЯХ КОНЦА XVIII – XIX ВВ.

Исследование посвящено дореволюционным работам конца XVIII – XIX вв., в которых авторы затрагивают семейное право осетин. Цель статьи – краткий историографический обзор материалов, которые содержат весомый материал по брачно-семейным отношениям осетин в традиционном виде, до внесения новаций российским правительством.

Ключевые слова: осетины, семейное право, патриархальная семья, историографический обзор, брак.

The study is devoted to the main works of the late 18th - 19th centuries, in which the authors touch upon the family law of Ossetians. The purpose of this work is a brief historiographic analysis of materials, which, in the author's opinion, contain significant material for the study of marriage and family relations of Ossetians in the traditional form, before the introduction of innovations by the Russian government.

Key words: Ossetians, family law, patriarchal family, historiographic review, marriage.

Обращение к проблемам истории изучения семейного права в рамках самостоятельного исследования не случайно: разработка основных понятий, исследование генезиса социальных явлений, влияния результатов научных изысканий на правотворческую и правоприменительную деятельность вызывают много вопросов теоретического и практического характера. Вместе с тем правоприменительная деятельность вызывает много вопросов теоретического и практического характера. Вместе с тем правоприменительная деятельность вызывает много вопросов теоретического и практического характера.

менительная практика требует предварительной теоретической разработки задач. Изучение истории исследований по данной сфере помогает осмыслению и оценке перспектив развития семейного права в современном обществе.

Появление самостоятельных исследований в области юриспруденции связано с началом распространения российской власти на Кавказе. В 1864 году в Осетии была проведена судебная реформа, существенно изменившая порядок судопроизводства. Появилась необходимость в обсуждении конкретных правовых споров, обобщенной судебной практики, изучении действующего законодательства. Систематизируя и кодифицируя обычно-правовые установки кавказских горцев в 40-60-х гг. XIX в., власти предполагали со временем приспособить нормы обычного права к законам Российской Империи, действуя при этом вполне в духе регионализма [1, 119].

Инициатива по организации сбора материалов по обычному праву горцев и их систематизации принадлежит секретарю канцелярии по управлению мирными горцами штаба Кавказской линии подполковнику Д. С. Бибикову. В докладной записке на имя командующего войсками на Кавказской линии генералу Е. А. Головину подполковник указывал, что «сбор адата был бы делом весьма... полезным, и в исполнении этого, думать надо, больших затруднений не встретилось бы» [2, 27].

Для сбора «полных и удовлетворительных сведений» Д.С. Бибилов составил программу по сбору материала, которая включала в себя следующие разделы: 1) разделение каждого общества или племени отдельно на сословия, включая и крепостной класс людей; 2) права и обязанности каждого класса и отношения одного сословия к другому, включая и духовенство; 3) дела и преступления в каждом обществе, рассматриваемые адатом; 4) общий обряд суда по обычаям или адату; 5) права и обязанности каждого сословия; 6) наследственное право всех сословий; 7) раздел имений; 8) обряд духовных завещаний и исполнение по ним; 10) взаимное отношение мужа к жене и обратно; 11) мера наказания за преступления всякого рода» [].

В результате работы, проведенной по сбору материалов, было составлено семь сборников адатов, из которых к осетинам относятся два тома.

Первый из них – «Древние обряды Дигорского общества» – вошел в состав «Полного собрания древних обрядов кабардинцев и прилегающих к ним племен (балкарцев и дигорцев), составленного в 1844 г. под руководством начальника Центра Кавказской линии, генерал-майора Голицына при сотрудничестве ротмистра Давыдовского и майора Якуба Шарданова.

Второй – «Сведения об адате или суде по обычаям кавказских горцев Владикавказского округа (осетинских обществ Тагаурского, Куртатинского и Алагирского)» был составлен капитаном Норденстренгом.

В начале 80-х гг. XIX в. И. В. Бентковский, секретарь Ставропольского статистического комитета, передал Новороссийскому университету рукописные записи кавказских адатов. И тогда эти материалы с предисловием и приложением издал профессор Федор Иванович Леонтович под заглавием: «Адаты кавказских горцев. Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа». Сборник адатов, изданных Ф. И. Леонтовичем, является ценнейшей публикацией и важнейшим из основных источников изучения общественного строя и обычного права народов Кавказа. Тем не менее, надо отметить, что Ф. И. Леонтович при издании материалов произвольно сократил ряд текстов и опубликовал их не полностью. Несмотря на это, материалы Ф. И. Леонтовича по обычному праву осетин, собранные в 40-х гг. XIX века, являются основным источником для характеристики социальных отношений осетин в XVIII – первой половине XIX вв. и представляют собой богатейший и далеко не в полной мере использованный источник для изучения обычно-правовых отношений. Данный труд отражает традиционное право осетин, показывая нормы семейно-брачных отношений. Отдельные статьи источника рассказывают о свадебной обрядности и формах заключения брака, бракоразводном процессе, наследственном и имущественном праве, отношениях родителей и детей и т.д. В главе о мерах наказания за разные преступления содержится информация о плате за убийство, изнасиловании, похищении женщины, формах наказания за прелюбодеяние, а также об условных причинах для развода, имущественных правах вдовы и др. [3, 5-49].

Исследования в области семейного права нашли отражение в работе Л. Л. Штедера «Дневник путешествия из пограничной кре-

пости Моздок во внутренние местности Кавказа, предпринятого в 1781 г.». Автор первым указал на форму осетинской семьи – ‘большая патриархальная’ [4, 31].

Первые работы путешественников затрагивали вопросы семейного института осетин, однако носили описательный характер. В них имеются заметки по нормам семейного права. Однако заметим, что им не уделяется должного внимания, материалы лишены поверхностного анализа. Кстати, заметим, что впоследствии на их основе появляется значительное количество изысканий по семейному праву осетин.

Полное систематическое исследование обычного права осетин, а в его составе и брачно-семейного, относится к концу XIX века, когда В. Б. Пфаф опубликовал в «Сборнике сведений о Кавказе» работу «Народное право осетин». Он несколько раз объездил горные районы Осетии и на основе собранного этнографического материала написал свой труд.

Отметим, что работа В. Пфафа по праву осетин издана была на русском и немецком языках; в ней отдельно не исследовались вопросы семейного права, однако при освещении общей части гражданского права приводились примеры, связанные со вступлением в брак, родством, и пр. [5, 177-220].

Наиболее масштабное исследование обычного права осетин этого периода принадлежит М. М. Ковалевскому. В результате трех научных экспедиций на Кавказ (1883, 1885, 1887 гг.) появилось фундаментальное исследование ученого «Современный обычай и древний закон». Если в работе В. Б. Пфафа проблемам семейного права не отводилось отдельного параграфа, а весь материал раскидан по всем главам, то весь первый том М.М. Ковалевского посвящен анализу брачно-семейного права.

Для нас означенный труд представляет большой интерес, так как ученый, находясь в 80-е годы XIX века в Осетии, был свидетелем распада семейных общин, причиной которого стало развитие капитализма и рост товарно-денежных отношений: «Увеличившееся за последнее время число разделов, причина тому, что собственность, как недвижимая, так и движимая, все чаще и чаще поступает в Осетии в обмен» [6, 155-157].

Глава о семейном праве состоит из двух параграфов: «Брачное право» и «Союз родителей и детей». В них содержится комплекс во-

просов касательно института семьи, семейной обрядности, свадебных, родильных обычаев. Весьма ценно, что, анализируя различные обычаи и архаические институты, автор пытается выяснить их происхождение. Красной нитью во всей работе проходит мысль о том, что в брачном праве сохранилось немало следов, пережитых арийскими народами [6, 259].

Отдельное место среди исследователей обычного права осетин занимает В. Ф. Миллер, посвятивший его ретроспективному и сравнительному анализу большое количество работ. Исследуя всякий этнографический аспект осетин нельзя не упомянуть «Осетинские этюды» учёного. Относительно нашей проблемы: в работах В. Миллера много толкового материала по семейному укладу осетин, в частности, основание на патриархальном начале, о главенстве мужчины в семье и т.д. [7].

Активный интерес к аспекту семейного уклада осетин проявил К. Кох. Полезен его двухтомный труд, в котором представлен ценный материал по семье, в частности о правовой деятельности патронимии в общественной жизни общины [8, 251-256]. Изданная работа, включавшая теоретическую базу и практический материал, нашла положительную характеристику у исследователей.

Вахушти Багратиони в своем исследовании по «Географии Грузии» выносит материалы по Осетии в отдельную главу – «Описание современной Осетии, или внутреннего Кавказа». Для нас примечательна эта работа, так как в ней автор довольно детально пишет о брачно-семейных отношениях; заметим, что это одно из первых изысканий, рассказывающий нам о конкубинате в осетинском социуме: «Богатые женятся на двух и трех женах, а простолюдины на одной» [9, 58]. Из сказанного исходит, что многоженство у осетин имело в своей основе социально-экономические факторы. Многоженство было распространено среди высшего сословия.

В «Географии Грузии» автор упоминает о существовании в XVIII в. левиратной формы брака: «Когда умирает один брат, другой брат женится на жене своего брата: ибо согласно достоинству семейств дают ему (дому отца невесты) 10-20 коров, поэтому не допускают, чтобы на овдовевшей женился чужой, но сами женятся» [9, 63]. Причиной заключения левиратного брака, в первую очередь, было сохранение единого хозяйства, без выделения доли вдове и ее детям,

а также сохранение рабочих рук в хозяйстве. Подобная форма брака не только имела глубокие исторические корни, но и долго сохранялись среди местного населения, несмотря на запреты со стороны российской администрации.

Вахушти Багратиони исследует также некоторые аспекты словесно-правовых отношений в осетинском обществе. Он приходит к выводу, что это – форма патриархальной подчиненности младших старшим: «... оказывают большой почет своим старцам и смотрят на них, как на своих патронов» [9, 64].

Следующим был А. М. Шегрен, автор статьи «Религиозные обряды осетин, ингушей и их соплеменников при разных случаях» [10]. Несмотря на её узкое название, содержание по брачному праву осетин занимательно. А. М. Шегрен обстоятельно характеризует брачные установки, в частности различия размера калыма среди отдельных осетинских сословий. Автор пишет: «У осетин прежде за старшинскую дочь давали 100 коров, а теперь только 30, или на деньги 300 рублей серебром; за дочь фарсаглага, равняющегося нашему однодворцу, платят 15 коров» [10, 6]. А. М. Шегрен отмечает, что словесная градация строго соблюдалась у осетин при заключении браков: «старшина (наш дворянин) ни за что не выдаст своей дочери за фарсаглага... Таким же образом и фарсаглаг не выдаст своей дочери за человека ниже его состоянием» [10, 7]. Социальные различия наблюдались и при исполнении различных семейных обрядов.

Автор затрагивает также институт двоеженства в осетинской среде, подчеркивая, что осетинские старшины рассматривают кавдасардов, которые являются их побочными детьми как своих рабов. «В старину старшина, убивший своего кавдасарда, не отвечал никому и ничего не платил за кровь его, теперь это вывелось, но и до сих пор кавдасарды обоего пола с их потомством составляют достояние отца и его семейства. Отец может дарить, продавать, закладывать, дочерей выдавать замуж и калым брать себе... Эта весьма экономичная система, – заключает Шегрен, – собственным иждивением увеличивать число рабочих и семейство – в большой моде между осетинскими старшинами» [10, 8]. А. Шегрен отмечал, что каждый осетин, имеет одну только законную жену, прочие, купленные дешевле от 70 до 120 руб. серебром у родителей, или пленные, купленные у хозяина, считаются у мужа работницами, с тем, что прижитые от них дети остаются

в полной власти отца [10, 12]. А. М. Шегрен одним из первых в научной литературе охарактеризовал тяжелое положение женщины-горянки. Отец «не хочет праздновать рождение дочери, дочь у горца ни во что не ставится...», она «работает мужу всю жизнь, как вол» [10, 14].

Первые опыты по сбору и изучению обычного права осетин были связаны с именами Григория Гордеева и Александра Яновского. В «Письмах из Осетии» Г. Гордеев дает достоверное описание обычного права осетин. В них освещались общие понятия семейного права, брачный союз (включая личные и имущественные отношения между супругами), правоотношения, возникающие между родителями и детьми, усыновление, отношения родственного союза [11, 14].

Обширное обследование различных областей Кавказа было проведено по поручению царской администрации в 30-х гг. XIX в. Результаты этого исследования стали основой коллективной работы «Обозрение Российских владений за Кавказом в статистическом, этнографическом, топографическом и финансовом отношениях». Авторами явились чиновники гражданских учреждений г. Тифлис: В. Легкобытов, П. Вышеславцев, В. Григорьев, Д. Зубарев, Н. Флеровский, Г. Гордеев и А. Яновский. Источниками для написания этого труда послужили официальные документы и, главным образом, материалы, лично собранные авторами на местах [2, 73].

Достоинно внимания исследование источниковеда Г. И. Цибилова: «Помещенное во второй части «Обозрения...» описание Осетии А. Г. Яновского является наиболее полным и всесторонним описанием Осетии первой трети XIX в. ... использование данных А. Яновского стало не только обычным, но и обязательным в историко-этнографической литературе об осетинах» [2, 74]. В работе А. Яновского содержится глубокое исследование правового регулирования семейных отношений, их генезиса, сравнения с российским законодательством, практики разрешения споров в области семьи и брака [13, 40]. Вместе с тем, автор обобщил и использовал практический материал в области семейного права.

В Российской Империи начала XX в. проблемы правового регулирования отношений в сфере семьи и брака получили дальнейшее изучение в работах российских и зарубежных исследователей, которые успешно продолжали традиции, заложенные отечественными учеными в XVIII – XIX вв.

1. Кобахидзе Е. И. Нужны решительные административные меры // Известия СОИГСИ. 2012. № 7 (46). С. 113-118.
2. Цибилов Г. И. Осетия в русской науке (18 - первая половина 19 в.). Орджоникидзе: Ир, 1981. 104 с.
3. Леонтович Ф. И. Адамы кавказских горцев. Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа. Одесса: Тип. П.А. Зеленого, 1882. Вып. I. 437 с. 1883. Вып. II. 396 с.
4. Штедер Л. Л. Дневник путешествия из пограничной крепости Моздок во внутренние местности Кавказа, предпринятое в 1781 году // Осетины глазами русских и иностранных путешественников. Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжное издательство, 1967. С. 27-70.
5. Пфаф В. Б. Народное право осетин // Сборник сведений о Кавказе. Тифлис, 1871. Т. 1. С. 178-220; 1872. Т.2. С. 258-325.
6. Ковалевский М. М. Современный обычай и древний закон (обычное право осетин в историко-сравнительном освещении). В 2-х т. М., 1886. Репринтное воспроизведение. Владикавказ: Алания, 1995. Т.1. 342с.; Т.2. 412 с.
7. Миллер В. Ф. Осетинские этюды. В 3 т. М.: Тип. Ф.Б. Миллера. 1882. Репринтное воспроизведение. Владикавказ, 1992. 713 с.
8. Кох К. Путешествие через Россию к Кавказскому перешейку в 1837 и 1838 гг. // Осетины глазами русских и иностранных путешественников. Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжное издательство, 1967. С. 222-274.
9. Вахушти Багратиони. География Грузии // Записки Кавказского отделения Русского географического общества. Кн. XXIV. Вып. 5. Тбилиси, 1904. С. 136-153.
10. Шегрен А. М. Религиозные обряды осетин, ингушей и их соплеменников при разных случаях // Кавказ. 1846. № 29.
11. Гордеев Г. С. Письма из Осетии // Тифлисские ведомости. 1830, № 84.
12. Яновский А. Г. Осетия // Обзорение российских владений за Кавказом, в статистическом, этнографическом, топографическом и финансовом отношениях. СПб., 1836. Ч. II. 401 с.
13. Дауева Т. Т. Модернизация правового регулирования брачно-семейных отношений у осетин // Известия СОИГСИ. 2020. № 38 (77). С. 34-41.

К.Р. Дзалаева,
кин, снс СОИГСИ им. В.И. Абаева
(г. Владикавказ)

ВОЗРОЖДЕНИЕ ШЕЛКОВОДСТВА КАК ПЕРСПЕКТИВНОЙ ОТРАСЛИ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

В статье рассматривается проблема возрождения шелководства на Северном Кавказе в период второй половины XIX – начала XX вв. Изучены особенности развития отрасли до и после кризиса 50-х – 60-х гг. XIX в. Определены причины, приведшие ее к упадку, предпосылки и факторы ее восстановления. Установлено, что преодолеть затянувшийся отраслевой кризис помогли мероприятия, предпринятые правительством.

Ключевые слова: Северный Кавказ, Российская империя, сельское хозяйство, Кавказская шелководственная станция, шелководство, шелкопряд, сельскохозяйственные знания

The article deals with the problem of the revival of sericulture in the North Caucasus in the second half of the 19th - early 20th centuries. The features of the development of the industry before and after the crisis of the 50s - 60s are studied. 19th century The reasons that led to its decline, the prerequisites and factors for its restoration are determined. It has been established that the measures taken by the government helped to overcome the protracted sectoral crisis.

Keywords: North Caucasus, Russian Empire, agriculture, Caucasian sericulture station, sericulture, silkworm, agricultural knowledge

Развитие сельского хозяйства во второй половине XIX – начале XX вв. имело глобальное значение для модернизирующейся экономики Российской империи, которая посредством преобразований стремилась укрепить свои позиции не только внутри государства, но и на международной арене, встраиваясь в сложную структуру экономического взаимодействия с другими странами, искала выходы на новые рынки сбыта. Для достижения целей было необходимо решать накопившиеся проблемы, выводить из застойного состояния целые отрасли народного хозяйства.

Северный Кавказ остро нуждался в существенных преобразованиях всех сфер хозяйственно-экономической жизни, которые, не

смотря на большой потенциал, пребывали в стагнации и требовали быстрых и грамотных управленческих решений, учитывающих специфику традиционного общества и тяжелого материального положения населения. Являясь основой жизнедеятельности, сельскохозяйственные отрасли испытывали потребность в системных изменениях, поскольку фрагментарные трансформационные процессы были не способны существенно повлиять на ситуацию. В северокавказском социуме стала формироваться потребность в переходе «к более интенсивному хозяйству, с улучшенными способами обработки полей и установлением правильных севооборотов, введением в культуру новых растений... Это значительно подняло бы общую доходность сельского хозяйства...» [1, 59].

Нередко для решения проблем в ведении той или иной сельскохозяйственной деятельности можно было обойтись незначительным вмешательством, однако «по незнанию» из года в год ситуация не менялась: «Когда я проезжал по Терской области, опрашивал по виноделию и хлебопашеству, по скотоводству и другим отраслям хозяйства, то в числе разных хозяйственных бед встречал такие беды и затруднения, которые даже при ограниченных средствах легко устранимы. Между тем, от них страдает производительность области, а население терпит недостатки на сотни тысяч рублей» [2, 457].

В подобной ситуации оказалась некогда успешная шелководческая отрасль, имеющая на Северном Кавказе давнюю историю. Под государственный контроль шелководство было взято еще в XVIII в.: «Подвигаясь постепенно к Кавказским горам и устраивая на занятых уже местностях поселения, правительство наше обязывало поселенцев разводить шелковицу и поощряло воспитание шелковичных червей» [3, 47]. Каждый населенный пункт обязывался иметь по 40 штук тутовых деревьев на каждое семейство, а за недостающие деревья взыскивался штраф. Были открыты шелковичные заводы в Кизляре, его окрестностях и по р. Куме, разбит тутовый сад в Ставрополе.

Центром шелководства на Северном Кавказе был г. Кизляр, в котором в отрасль было вовлечено почти каждое домовое хозяйство, а на продажу в Москву отправлялось регулярно до 600 пудов шелка-сырца: «Весь нынешний Кизлярский округ, а в особенности

сам г. Кизляр, издавна представляли самые благоприятные условия для развития шелководства: ровный, не с слишком высокой температурой климат и обширные площади, сплошь покрытые тузовыми деревьями различных сортов, встречающимися то в диком, то в культурном состоянии, обеспечивали за Кизляром преимущества сделаться центром шелководства, по крайней мере, на Северном Кавказе» [4, 7].

Не смотря на предпринятые по поддержанию отрасли меры, в силу объективных причин, шелководство в регионе стало приходить в упадок. Если еще в середине XIX в. оно пребывало на пике развития, то спустя 30 – 35 лет отрасль, демонстрирующая возможность хорошего заработка, стала увядать. Население, которому шелководство было в некотором роде навязано, более не справлялось с задачей поддержания его на должном уровне и, не смотря на наличие повсеместных тузовых насаждений, широкомасштабно шелководством не занималось или занималось им, за некоторым исключением, неумело. Так, со временем Ставропольский тузовый сад, «не приносивший городу никакой пользы, преобразован был в большой рассадник тузовых деревьев и открыта при нем практическая школа шелководства, просуществовавшая 15 лет...» [3, 51] Пришли в запущение и казенные плантации в Алагире, которые приобрели «самый печальный вид: деревья вытянулись и заглушают друг друга, обломанные любителями ягод сучья и подсохшие вершины остаются не подчищенными и не убранными. Эти окончательно запущенные сады в настоящее время составляют только бремя для тех лиц, в ведении которых они находятся и не имеют никакого назначения [3, 51].

Одной из причин этого запущения послужило неумение владельцев хозяйств противостоять болезням шелкопряда: «...в последнее двадцатилетие шелководство стало сильно падать вследствие болезни шелколичных червей, охватившей весь Кавказ. Больше всего пострадал от этой болезни Северный Кавказ, главное занятие жителей которого состояло исключительно из виноградарства, шелководства и некоторых других отраслей сельского хозяйства» [4, 10]. Из-за отсутствия необходимых знаний и навыков в области борьбы с вредителями «целая отрасль местной промышленности – шелководство совсем почти прекратилось в нашем крае... «от глазу, от мо-

роза», как выражаются жители» [2, 460]. В то время Европа «оправилась от этого удара; исследовала шелковичную грибную болезнь и научилась дешевым образом предупреждать ее появление» [2, 460].

Негативно на развитии шелководства в северокавказском регионе сказалось и неправильное ведение шелководческого хозяйства среди большинства населения. К примеру, тутовые деревья часто не имели должного ухода, что препятствовало получению большого количества листьев: «При недостатке листа червоводы пользовались шелковицами, растущими в лесах, при дорогах и свободными деревьями соседей, вследствие чего приходилось тратить много времени на сборе листа, да и черви часто голодали и не всегда кормились свежим листом, потому что в праздничные дни лист заготавливался почти на всю неделю. Много повредили и недостатки в технической части дела. Так, черви разных возрастов не распределялись на группы по дням вылупления, а смешивались и выкармливались все вместе, заболевающие черви не отделялись от здоровых и т.д.» [4, 33]

После отмены принудительных мер по разведению шелководства население, не расположенное к этому занятию, заведенные сады или вырубил, или совершенно забросило. Большой урон оставшимся шелководческим хозяйствам был нанесен появившейся в начале 1860-х годов повальной болезнью шелковичного червя – пембины шелкопряда, лишившей возможности заниматься шелководством ту часть населения, которая сама проявляла интерес к этому занятию. Если по данным за 1853 год в станицах Терского войска насчитывалось 24123 тутовых дерева и добыча шелка составляла 7 пуд. 38,5 ф., то в 1863 г. оставалось уже 12911 деревьев и вырабатывался 1 п. 5 ф., а к 1870 г. количество тутовых деревьев сократилось до 5796 штук и было получено лишь 14,5 ф. шелка-сырца [5, 45 об.]. С каждым последующим годом обороты отрасли только снижались, т.к. незараженной грены в области почти не получалось. Дальнейшее развитие шелководства на Северном Кавказе было приостановлено, отрасль перешла в вялотекущий, «спящий» режим.

Во второй половине XIX – начале XX вв. интерес к возрождению шелководства в регионе стал исходить от самого государства, которое признавало его перспективной отраслью и выражало готовность вкладывать силы и средства для ее восстановления среди

местного населения, которое «хоть и занималось производством хлебных растений в довольно больших размерах, но вследствие общего упадка цен на хлеб принуждено сократить посевы его и искать подспорья к существованию в других промыслах». Именно таким промыслом представлялось шелководство. Дополнительным, но немаловажным аргументом в пользу этого предположения являлись климатические, почвенные и хозяйственные особенности Северного Кавказа, создающие вполне благоприятные условия к развитию шелководства и шелкоткачества [5, 46].

На высоком государственном уровне велись дискуссии, разрабатывались меры по ее развитию на основе актуальных знаний и технических возможностей. Стали открываться специальные сельскохозяйственные учебные заведения, готовиться специалисты, так как успех отрасли во многом зависел от подготовки самого населения, от его грамотности в этом вопросе.

В 1899 г. заведующий Кавказской шелководственной станцией Н.Н. Шавров, в переписке с министерством земледелия и государственных имуществ, обосновывая свою позицию по вопросу об оказании помощи населению Терской области в деле шелководства, указывал на то, что развившаяся в былые времена отрасль подорвал общий кризис конца 50-х – начала 60-х гг., а целый ряд неблагоприятных обстоятельств обусловил ее окончательный упадок. Между тем, климатические и почвенные условия, благоприятные для произрастания шелковицы, возможность извлекать высокий доход при правильной организации дела, налаживание сбыта получаемой продукции, могли бы, по его мнению, послужить хорошим стимулом к возрождению шелководства. Н.Н. Шавровым была достигнута договоренность с известной московской фабрикой братьев Александра и Владимира Сапожниковых, давшей согласие на выкуп по привлекательной цене у северокавказских производителей коконов осенью по достижении ими надлежащей сухости [6, 53 об]. Для технического содействия местным силам было предложено направить инструктора от Кавказской шелководственной станции, а «равно и необходимое количество грены станции с уплатой причитающихся за нее денег при получении с фабрики Сапожниковых денег за коконы» [6, 54]. Заведующий станцией, убежденный, что развитие шелководства может принести не малую пользу населению,

предложил обеспечить сбыт получаемых населением коконов путем организации в одном из наиболее благоприятно обставленных для этого пунктов во Владикавказе или станице Прохладной комиссии для приема коконов и дальнейших манипуляций по подготовке их к сбыту и продаже с последующим распределением денег между собственниками. Высшую степень важности чиновник признавал за «предоставлением комиссии необходимой суммы для уплаты за мелкие партии коконов немедленно и полностью, а за крупные – при желании собственника, части их стоимости с выдачей остальной суммы при окончательном расчете при получении денег с фабрики» [6, 54]. Казенные средства, потраченные на указанные операции полагалось возвращать после продажи коконов. Указанные меры по организации сбыта коконов должны были осуществляться только до тех пор, пока местное шелководство не окрепнет и не станет более привлекательным для частной инициативы. Другой необходимой мерой поддержки шелководов Н.Н. Шавров считал «увеличение тутовых насаждений, создание питомников в наиболее нуждающихся в них местностях и посадку шелковицы, где только это возможно» [6, 54].

Государство выражало намерение привлекать к развитию шелководства различные слои и категории населения. Большая ставка делалась на казачество. Так, 10 ноября 1896 г. при обсуждении представления Главного управления казачьих войск об отпуске Донскому обществу сельского хозяйства сбора на мероприятия по разведению шелководства на Дону, исходя из того, что эта отрасль может стать хозяйственным подспорьем на казачьих землях Кубанского и Терского войск, климат которых располагает развивать эту отрасль сельского хозяйства, начальству Кавказских казачьих войск было предложено рассмотреть вопрос о мерах для распространения шелководства в казачьем населении этих войск [5, 7 об.]. Таким образом, был определен ряд мероприятий по развитию шелководства среди казачьего населения Терского войска. Во-первых, было предложено устроить питомники шелковичных саженцев при войсковом лесничестве, вблизи Владикавказа, в виноградном саду, недалеко от станицы Шелковской, чтобы выручаемые от продажи саженцев деньги поступали в приход питомников. Во-вторых, следовало пригласить опытного шелководы, желательно женщину, для

распространения знаний по шелководству и шелкоткачеству путем бесед и краткосрочных курсов среди казаков. В-третьих, предполагалось ежегодно ассигновать определенные средства для скупки коконов и произведений шелководчества в размере 300 руб. в год. В-четвертых, выделять порядка 600 руб. на устройство и организацию курсов, рабочие командировки шелководы ассигновать. В-пятых, учредить стипендию для изучения шелководства и шелкоткачества. В-шестых, освободить от отбывания воинской повинности специалистов, которые по окончании курса обязуются развивать шелководчество у войска в течение 6 лет. Так же были учреждены две стипендии при Батумском ремесленном училище, причем начальник области и наказный атаман высказался за учреждение восьми стипендий [5, 43 об.].

Важное значение в получении качественной шелководческой продукции имело обеспечение населения здоровой греной наиболее ценных пород. Большой вклад вносила Кавказская шелководственная станция, располагавшаяся в Тифлисе и охватывающая своими мероприятиями весь Кавказ, наряду с прочей деятельностью выпускающая свои периодические издания «Труды Кавказской шелководственной станции» и «Известия Кавказской шелководственной станции».

Станция оказывала непосредственную практическую помощь кавказским шелководам, участвуя в снабжении желающих проверенными на предмет отсутствия болезней гренами, составляла рекомендации по выбору их сортов. Работа с населением велась активно: «Уже с началом года на станцию начинают поступать из разных мест края и от разных лиц и учреждений просьбы указать фирму и породу грены, которую лучше всего было бы приобрести... Можно дать лишь один ответ: надо приобретать вполне целлюлярную грону европейской (итальянской ил французской) желтой или белой породы заблаговременно... Мы рекомендуем шелководам покупать лишь ту грону, на каждой коробке которой будет бандероль и штампель станции «пемрины нет», так как только за такие коробки можно поручиться, что грена в них не будет заражена пемриной» [7, 3]. Специалисты станции настаивали на том, что шелководам следует твердо помнить, что почти абсолютной гарантией урожая при хорошей грене является правильное ведение хозяйства, когда чер-

ви, полученные из грены, «хорошо выкормлены», на чем и следует сосредоточить внимание.

В 1896 г. по поручению Департамента торговли и мануфактур Кавказской были выданы и разосланы дипломы и медали, присужденные экспертизой Всероссийской художественно-промышленной выставки, прошедшей в Нижнем Новгороде. Похвальных отзывов удостоились такие участники, как Зиновия Боханова и А.П. Любов из ст. Прохладной, Татьяна Тоцкова из ст. Павлодольской, Т.Т. Рогожина из ст. Червленая, В.М. Фингерман из сл. Нальчик [7, 9].

Для достижения успехов в деле возрождения шелководства на Северном Кавказе было необходимо повышать массовый уровень знаний населения в этой области, на что могли уйти многие годы. Альтернативное решение указанной задачи было найдено в подготовке штата специалистов, выезжающих с просветительской миссией на места, которые должны были «живым примером и советом, указывать населению средства к избавлению от хозяйственных бед, или если нет таких средств, то указать на другую, новую отрасль хозяйства, более выгодную и приспособленную к данным условиям места» [2, 460].

Просветительской работе большое внимание уделяла Кавказская шелководственная станция. С января 1898 г. уполномоченный министр земледелия и государственных имуществ на Кавказе одобрил организацию бесед по шелководству и пчеловодству с участием желающих из числа шелководов, пчеловодов, любителей преимущественно на технические темы в видах разъяснения того или иного технического вопроса. Такие беседы были дополнением к ежегодно проводимым инструктором станции бесед в различных пунктах Кавказа. Их эффективность была обусловлена тем, что в зимнее время в Тифлис приезжали землевладельцы из разных мест края, которые по возвращении в свои хозяйства способствовали распространению полученных ими сведений и указаний в весьма отдаленных уголках Кавказа [7, 5]. Специалисты станции приглашались в школу садоводства, огородничества и пчеловодства в станице Вознесенской, открытой по инициативе и при участии известного пчеловода С.И. Болтенкова и получившей покровительство великого князя Александра Михайловича для обучения учеников школы «правильным приемам червокормления» [7, 30].

В целях обучения населения приемам шелководства и оказания практического содействия по улучшению его технической подготовки и собиранию сведений о состоянии шелководства, тутоводства и пчеловодства Кавказская шелководственная станция организовывала командировки своих специалистов для оказания практической помощи на местах. Так, в марте 1897 г. в Терскую область был командирован старший шелковод Г.П. Таратынов.

30 июля он посетил г. Моздок, где произвел осмотр коконов и шелка. Признав моздокские образцы одними из лучших на Кавказе, он посоветовал местным производителям продолжать заниматься разведением шелковичного червя в «размерах более обширных, тем более что Моздок по своим климатическим условиям вполне соответствует применению этой отрасли промышленности и еще потому, что тутовые деревья растут в изобилии и не только в городе, но даже в садах и лесах в диком своем состоянии» [6, 17 об].

Во время командировки на Северный Кавказ Г.П. Таратынов должен был скупать коконы у всех лиц, производящих выкормку, тем самым, обеспечить их сбыт. Помимо этого, им были произведены демонстративные выкормки в трех пунктах Кубанской области и в трех в Терской области, организована демонстрация работы по размотке шелка [6, 20].

В поездке Г.П. Таратынова сопровождали шелковод Кавказской шелководственной станции Сундукианц и микроскопист Жданов [8, 2].

В 1899 г. в Терскую область для инструкторской деятельности по шелководству и пчеловодству был командирован шелковод Кавказской шелководственной станции А.С. Жуковский. В виду приближения времени сбора шелковичных коконов от лиц, желающих сбыт таковые по его указанию на фабрику братьев А. и В. Сапожниковых, отзывом на имя Областного правления он просил оказать содействие и помощь в деле успешного устройства сбора коконов у населения области и правильной организации этих мероприятий в будущем, для чего А.С. Жуковский просил отпустить ему 300 руб. для выдачи владельцам коконов ссуд, «в виде задатка, с тем, чтобы деньги эти были возвращены Областному правлению в начале будущего октября месяца, т.е. по получении таковых от фабрики бр. Сапожниковых» [6, 62].

Для поддержания шелководческой деятельности среди населения часто производилась бесплатная раздача грен (кладок яиц тутового шелкопряда, разводимых для получения шелка), которая преследовала две цели - оказание помощи тем, кто уже занимается шелководством и привлечение в отрасль новых участников.

Для бесплатной раздачи шелководам юга России сырья в рамках кампании 1896 г. Департаментом земледелия было сделано распоряжение о заготовлении Кавказской шелководственной станцией целой партии целлюлярной грены, в связи с чем им собирались сведения о количестве требуемой грены и составлялись списки шелководо-вод, желающих участвовать в акции [5, 1].

В 1907 г. казаки Терской области из станиц Дубовская, Курдюковская и Каргалинская, имеющие много тутовых насаждений и выразившие желание заняться шелководством, обратились к областному агроному с просьбой выдать им лучшие шелковичные грены в количестве 160 золотников. Будущий урожай коконов они обещали сдать для продажи через Областное правление. В свою очередь, областной агроном, выражая убежденность в том, что отрасль в указанных станицах возможно развить в широких размерах, что послужит некоторым подспорьем в казачьем хозяйстве, ходатайствовал перед Областным правлением о выписке указанного количество грены заблаговременно, чтобы вовремя ее раздать [9, 1].

В 1908 г. турецкоподданный И.А. Кавунидис, в целях распространения шелководства, выразил готовность раздать казакам и крестьянам по станицам и селениям, на своих условиях, грены высшего качества, одобренные Сельскохозяйственным комитетом. Областное правление, «признавая несомненную пользу в разведении крестьянами и казаками шелководства в их сельскохозяйственном быту со сбытом самих произведений И.А. Кавунидис по 10 руб. за пуд, что и даст крестьянину возможность улучшить его благосостояние в материальном отношении», распорядилось атаманам станиц, волостным старшинам и сельским старостам «ознакомить казаков и крестьян с распространением шелководства, каковое имеет ввести г. Кавунидис, и при появлении его с этой целью в каждом селении и станице оказывать ему законное содействие» [9, 2].

В 1897 г. в докладной записке начальнику Терской области и наказному атаману Терского казачьего войска областной агроном

и смотритель войсковых запасных земель сообщал, что в 1896 г. он разослал немало грен, полученных от Комитета шелководства в Одессе. Также он указал на то, что ежегодно распространением грен занимался Кавказский комитет шелководства, большей частью через учителя [6, 13]. Согласно приводимым в записке сведениям, в Кизляре и во всех низовых станицах имелись коконы, с которыми «не знали, что делать», т. е. не был налажен сбыт продукции [6, 13 об.]. Для прояснения ситуации областной агроном направил полицейскому приставу Кизляра запрос о предоставлении информации о том, «какие результаты дала грена, высланная согласно спискам, представленным в Областное правление, сколько фунтов коконов получено и что с этими коконами сделано, если они размотаны, то куда употребляется шелк, и если продается, то почему и кому, обнаруживает ли население охоту и в будущем заниматься шелководством, хорошего ли качества выслана грена» [6, 15 об.], а также просил представить список лиц, желающих получить грену и в каком количестве.

Далее агроном упомянул, что в 1896 г. он раздал 58 золотников грены четырнадцати шелководам, с каждого золотника было получено по 10 фунтов коконов, однако ничего не удалось продать. Более из жителей Кизляра никто не изъявил желания заниматься шелководством, не смотря на то, что грены были хорошего качества итальянского сорта, показатели урожая были низкими. Это объяснялось сырыми, тесными и холодными помещениями, проливными дождями с начала весны до июля, из-за которых владельцам хозяйств приходилось кормить червей мокрыми листьями. Помимо неподходящих помещений одной из причин негативного шелководческого опыта была охватившая кизлярские сады болезнь милдью [6, 16].

По сведениям моздокского полицмейстера Терской области, извлеченных из его рапорта в Областное правление в 24 ноября 1897 г., в весенний период в Моздоке было роздано 8 золотников грены [6, 17]. Разведением шелковичного червя в Моздоке и на хуторах занимались преимущественно осетины и грузины, производившие выкормку червя и сбор коконов примитивным способом. Получаемый ими шелк использовался на собственные нужды, лишь изредка он шел на продажу местным торговцам. В отличие от указанных

выше населенных пунктов, в Моздоке из розданной населению грены был получен вполне удовлетворительный результат – «на один золотник грены пришелся один фунт шелку, двух цветов – желтого и белого цвета, причем желтый шелк считается дороже и лучшего качества» [6, 17 об.].

В 1896 г. Терское областное правление поручило старшинам селения Эльхотово в двухнедельный срок объявить всем жителям, занимающимся шелководством (или желающим заниматься), что им предоставляется возможность бесплатного получения проверенных безболезненных грен, в связи с чем было необходимо представить к весне список желающих с указанием необходимого количества сырья [5, 13].

Возрождение северокавказского шелководства, даже не смотря на то, что эта отрасль пребывала еще в «сравнительно зачаточном состоянии», стало привлекать внимание закавказских скупщиков коконов. В 1899 г. некоторые из них начали свои операции на Северном Кавказе, организовав раздачу грен населению на тех или иных условиях с тем, чтобы впоследствии закупить все количество коконов, которое будет произведено из их сырья [6, 69].

В местной прессе в сводках о сельскохозяйственных нуждах сообщалось, что в Терской области разводятся несколько золотников шелковичных семян, которые были высланы Комитетом шелководства из Москвы, где они были проверены на предмет заражения грибом и признаны здоровыми. Грены раздавались «тем единичным старухам, которые помнят и знают шелководство и с любовью примутся вновь за старое ремесло» [2, 462].

Привлечение к производству шелка женского труда приветствовалось и ранее. Так в 1878 г. в сообщениях из Моздока говорилось, что городской голова И.С. Тушмалов выписал 50 золотников грены итальянской породы для их распределения между городскими жительницами-шелководками. Предпринятая мера позволяла проследить, какие способы выращивания шелковичных червей будут применяться, не допустить их заражения, проанализировать результаты [3, 44].

В сентябре 1897 г. областной агроном Терской области и смотритель войсковых запасных земель И. Шумков обратился к начальнику Терской области и наказному атаману Терского казачьего войска

с просьбой разрешить в целях развития шелководства применить полезную меру – «поручить одной из женщин, какая пожелает и окажется более пригодной, размотку коконов с тем условием, чтобы она занималась этим делом специально, конечно, за плату от фунта шелка» [6, 13 об.]. И. Шумков сетовал на то, что нужен специалист, «приученный к размотке и настолько ловко, чтобы мотать ровно, как требует рынок и достаточно скоро, чтобы с выгодой для себя работать при небольшой плате за размотку, что достигается единственно практикой» [6, 13 об.]. Также агроном просил предоставить учителя из Шелковского училища, который мог бы оказать содействие в подборе и обучении мастерицы.

Исследование истории развития шелководства на Северном Кавказе позволяет установить причины упадка отрасли в конце 50-х – начале 60-х гг. XIX в. и основные предпосылки к ее возрождению во второй половине XIX – начале XX вв. Среди основных факторов, приведших к кризису отрасли можно выделить примитивные способы ведения шелководческого хозяйства, в том числе, оживление грены несовершенными способами, которые «перешли к современным шелководам со времен глубокой древности или позаимствованы ими у более рациональных шелководов, но видоизменены по-своему» [10, 7], закупка нездоровой или низкокачественной грены, неправильные приемы выкормки, не приспособленные сырые помещения, ненадлежащий уход за тузовыми деревьями, отсутствие знаний по борьбе с болезнями тутового шелкопряда, не налаженный сбыт получаемой продукции.

В обществе стало формироваться принципиально новое отношение к занятию шелководством: «Там, где шелководство уже успело сделать первые шаги, его нужно поддерживать; лиц, занимающихся шелководством – поощрять, а где является достаточный контингент желающих заниматься им, там необходимо насаждать, прививать его. Но дела следует вести умелой рукой. История развития шелководства как у нас в России, так и за границей... показала нам, как много в данном случае важны первые правильные шаги и как много сделано было вреда от неправильной, неумелой постановки дела. Поэтому нам стоит... серьезно изучить ошибки и непоправимые промахи, которыми были богаты первые опыты, чтобы самим не сделать еще больших ошибок» [7, 19].

Благодаря беспрецедентным мерам, предпринятым правительством, слаженной работе чиновников разного уровня, инициативе на местах шелководческой отрасли Северного Кавказа удалось придать новый импульс развития, осовременить ее, заложить в основу процесса выращивания шелкопрядов для производства шелка научную основу, привлечь к ней частный капитал.

1. Терский календарь на 1915 г. Владикавказ: Электронпеч. Тип. Терск. обл. правл. 1915. Вып. 24.

2. Статьи неофициальной части «Терских ведомостей» за 1-е полугодие 1881 года. Владикавказ: Тип. Терск. обл. правл., 1881.

3. Статьи неофициальной части «Терских ведомостей» за 1877 – 1878 гг. Владикавказ: Типогр. Терск. обл. правл., 1878.

4. Шавров Н.Н. Описание кавказского шелководства. Тифлис: Тип. Канц. главнонач. гражд. частью на Кавказе. 1891. – 320 с.

5. Центральный государственный архив РСО-А. Ф. 11. Оп. 63. Д. 695.

6. Центральный государственный архив РСО-А. Ф. 11. Оп. 63. Д. 696.

7. Известия Кавказской шелководственной станции. Приложение к «Трудам Кавказской шелководственной станции». Серия по шелководству. Тифлис: Тип. К.П. Козловского, 1898. Вып. 1.

8. Центральный государственный архив РСО-А. Ф. 11. Оп. 63. Д. 1082.

9. Центральный государственный архив РСО-А. Ф. 11. Оп. 64. Д. 310.

10. Центральный государственный архив. Ф. 11. Оп. 63. Д. 689.

З.Т. Кануков,
мнс СОИГСИ им. В.И. Абаева
(г. Владикавказ)

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ФАКТОР В ФОРМИРОВАНИИ КУЛЬТА ЖИВОТНЫХ У ОСЕТИН И ПЕРСОВ

В статье изучены экономические предпосылки появления культа некоторых животных у осетин и персов, которые ввиду наличия общих корней у данных племен часто имеют идентичное происхождение. Также рассмотрены особенности данных культов. Экономические факторы имели первостепенное значение в становлении культа некоторых животных у индоиранцев. Некоторые элементы данных культов имеют явные отголоски в современной этнографии. Данный факт говорит о чрезвычайной важности культа животных в духовной жизни индоиранцев в древности.

Ключевые слова: культ животных, экономика, индоиранцы.

The article examines the economic prerequisites for the appearance of the cult of some animals among Ossetians and Persians, who, due to the presence of common roots in these tribes, often have identical origins. The features of these cults are also considered. Economic factors were of paramount importance in the formation of the cult of some animals among the Indo-Iranians. Some elements of these cults have obvious echoes in modern ethnography. This fact speaks of the extreme importance of the cult of animals in the spiritual life of the Indo-Iranians in ancient times.

Keywords: animal cult, economy, Indo-Iranians.

Под культом животных (зоолатрией) традиционно понимается совокупность различных верований и обрядов, связанных с религиозным почитанием животных. Данное явление уходит корнями в глубокую древность, когда первобытные люди поклонялись разнообразным животным, совершали различные магические ритуалы в надежде добиться таким способом успеха в охоте, а также получить защиту от диких хищников. Данная система верований и культовых представлений возникла на заре формирования первичных религиозных форм, когда человек, осознавая свою неразрывную связь с природным миром, начал придавать некоторым животным особый культовый статус. Зоолатрия неразрывно связана с тотемизмом и различными охотничьими и промысловыми культурами, так как имен-

но в такой форме чаще всего выражалось почитание животных в первобытном обществе. Позже, с развитием и усложнением систем религиозных верований, зоолатрия начала выражаться в отождествлении богов с представителями животного мира, что мы можем предельно ясно наблюдать на примере божеств Древнего Египта.

Вне сомнений, в процессе эволюции религии, роль животного постепенно менялась: «На определенной стадии развития религиозных представлений животное теряет всякую связь с божеством, почитается уже само по себе и не всегда в сознании людей живут мотивы, оправдывающие это почитание. Так завершается цикл развития идей, связанных с поклонением животным. В пору своего заката культ животных вновь приобретает формы, близкие к начальным: почитается само животное, а не дух и божество. Развивается культ священных животных. Но сколь далеки по сути эти, казалось бы, внешне сходные явления. Если ранние формы культа животных были главным содержанием религии, то в поздних вариантах почитание животных является незначительным элементом религиозной практики, основанной на вере в могущественные и сверхъестественные силы. Часто животных считали священными за то, что они приносили пользу людям» [1, 178].

В первую очередь, очень велики шансы стать культовым у того животного, которое играет важную роль в экономике. Так, например, кошка у древних египтян, основой хозяйства которых было земледелие, была особенно почитаема, так как защищала урожай от грызунов. То же самое можно сказать и о мангустах в Индии, убивавших змей.

Подобная тенденция не обошла стороной и индоиранские народы. Так, например, у индоиранцев в древности был особо развит культ двугорбого верблюда (уштра) [2].

Также в среде иранских племен был широко развит культ коня. Осетины не являлись исключением. Для народа, в экономике которого коневодство когда-то играло наиважнейшую роль, конь был одним из видных представителей культа животных. Данный факт нашел свое отражение в достаточно распространенном среди индоевропейских (и не только) обряде посвящения коня покойнику. Как писал В.С. Уарзиати: «Вера в иной мир и отождествление условий инобытия с витальными потребностями человека способство-

вали тому, что покойник экипировался родственниками так же, как в реальной жизни готовятся к длительному путешествию. Естественно, что самым необходимым в данном путешествии была верховая лошадь (*саргъы бæх*), которую и посвящали покойнику. С этой целью конем проводили несколько условных действий: снаряженного коня с навешенным на седло оружием и одеждой обводили вокруг усопшего, конец узды вкладывали в руку покойника и после произнесения специальной молитвы (*бæхфæлдисæн аргъуыд*) надрезали коню ухо или впоследствии выстригали волосы. Эти манипуляции с конем должны были формально закрепить за умершим все причитающиеся ему атрибуты пребывания в ином мире» [3, 231-232].

Из изложенного выше становится ясно, что конь покойному в загробном мире был необходим как средство транспорта. Что касается зарождения самого культа коня, то наиболее вероятно, что оно имеет под собой экономические основы. Для бывших кочевников-скотоводов конь играл особую роль в хозяйстве, не только как транспортное средство, но и как источник пищи. При этом в эпоху античности и средневековья коня, как правило, убивали во время посвящения, о чем свидетельствуют многочисленные человеческие захоронения с конями. В поздний период практика убиения коня практически исчезла и была заменена символическим надрезанием уха коню. После данного действия конь считался умершим и ушедшим в иной мир. Реальный же конь представлялся его призраком. Коня с надрезанным ухом уже не использовали для работы, его запрящали перепродавать. Поэтому трансформацию практики убиения и захоронения в надрезание уха уже невозможно объяснить воздействием каких-либо экономических факторов.

В персидской среде культ коня также имел место быть. Об этом можно судить по археологическим материалам, а именно по периодически встречающимся погребениям с конями. Данную практику принесли на Иранское плато, переселившиеся сюда около 3000 лет назад иранские кочевники [4, 43]. Упоминания о конях встречаются и в священной книге зороастрийцев Авесте, где иранское божество Митра, традиционно представляется, сопровождающим солнце на колеснице:

*«Мы почитаем митру...
Который самым первым
Из всех божеств небесных*

*Над харою восходит
Перед бессмертным Солнцем,
Чьи лошади быстры
И первым достигает
Прекрасных золотистых
Вершин, откуда видит
Он весь арийцев край» [5, 273].*

Тем не менее, несмотря почитания коня, как символа одного из высших солярных божеств, культ коня не получил столь серьезного распространения на Ближнем Востоке и, потом уже, в Малой Азии, как это было у северных иранских кочевников.

Одним из центральных животных в культовой системе иранцев является баран. Очень часто у иранских народов образ барана связывается с абстрактным божеством Хварна (Фарн), являющимся олицетворением солнечного сияющего начала и божественного огня. В иранской мифологии хварна является некой божественной сущностью, дарующей богатство, благодать, изобилие. Также выступает олицетворением царской власти. В авестийской традиции является некой сакральной долей. Также представлялся божественным огнем (фарн кави), летящим перед Митрой. Воплощается в богатстве как материальном (дети, жена, стада скота), так и в нематериальном (счастье, здоровье). Иногда представляется как добрый дух-охранитель дома. У осетин даже есть пословица: «Тише, не забывай о Фарне дома». Когда во время осетинской свадебной процессии невесту вводят в дом, то можно услышать возгласы: «Фарн идет!».

Образ барана, отождествленного с фарном, иногда встречается в сарматской материальной культуре. Примером тому служат сосуды в виде барана. «У ираноязычных народов, особенно у сарматов, барана воспринимали, кроме того, как символ мощи, изобилия, благодати. Это животное выступало как одно из воплощений божества Фарн, о котором упоминает Авеста» [6, 55].

Девятнадцатый яшт Авесты (Замйад-яшт), который, судя по названию, посвящен божеству земли (Зам) изобилует упоминаниями о Хварно – харизме, или божественной сущности, дарующей счастье и власть:

*«Молюсь я ради счастья
Ему молитвой громкой,*

*Свершаю возлиянья
Я Хварно, Маздой данному,
Могучему, кавийскому;
Мы почитаем Хварно,
Могучее, кавийское
И хаомой молочной,
И прутьями барсмана,
Искусными речами,
И мыслью, и делами,
И сказанными верно
Правдивыми словами.
«Молитвы тем приносим
Кому признал молиться
Ахура-Мазда благом» [5, 381].*

Что касается персидского изобразительного искусства, то образ Фарна в виде барана встречается весьма часто, особенно в период правления династии Сасанидов, на тканях, монетах, в виде зооморфных ручек на сосудах. Однако стоит отметить, что зооморфные ручки в виде бараньих рогов у североиранских племен и у персов, по мнению некоторых исследователей, имеют несколько разное значение.

Добавим, что современных осетин понятие Фарна, являющегося олицетворением благодати, счастья и изобилия встречается и по сей день, изображаясь в виде барана или же его рогов. Их очень часто можно наблюдать на осетинских молитвенных ритуальных чашах. Очень интересно по своему характеру выкованное изображение бараньих рогов на дверях святилища Реком, которые располагаются на них рядом изображением христианских крестов, что является удивительным примером симбиоза двух религиозных традиций (иранской и христианской). В конце традиционного осетинского молитвенного застолья, и по сей день, можно услышать пожелания его участникам «фарна».

Зарождение образа барана, олицетворяющего Фарн, как символ богатства и благодати может отчасти иметь под собой экономические основания. До зарождения товарно-денежных отношений, у кочевников-скотоводов, а также для горских племен, основой хозяйства которых было скотоводство, баран представлял немалую

материальную ценность, особенно учитывая его неприхотливость как животного.

Отдельно хотелось бы упомянуть о культе собаки у персов. Данный культ так же зародился, отчасти, под воздействием экономических факторов. М. Бойс писала: «В далекие времена далекие предки иранцев вынуждены были иметь тесные хозяйственные отношения с собаками, будучи кочевниками азиатских степей. Верховой езды в тот период еще не существовало, и они, должно быть, пасли свой скот без лошадей, и поэтому в значительной степени зависели от собак, помогавших им в этом. Корова и собака были, очевидно, двумя наиболее распространенными животными у протоиранцев. В итоге и корова, и собака стали больше, чем просто одомашненными животными. Они начали принимать участие в различных религиозных практиках, которые стали впоследствии зороастрийскими» [7, 140].

Собака была, пожалуй, наиболее почитаемым животным у зороастрийцев. Ей целиком посвящен тринадцатый фрагмент «Видевдата» священной книги зороастрийцев Авесты, а также некоторые отдельные фрагменты других фрагментов. В Авесте описываются как некоторые религиозные ритуалы с участием собак, так и правила ухода за ними:

«20. О Создатель плотского мира, праведный! Обделяющий пищей стерегущей скот собаку сколь согрешит такими делами? – И сказал Ахура-Мазда: «Настолько согрешит, как если бы он в этой плотской жизни обделил пищей хозяина знатного дома».

21. О Создатель плотского мира, праведный! Обделяющий пищей стерегущую дом собаку сколь согрешит такими делами?» - И сказал Ахура-Мазда: «Настолько согрешит, как если бы он в этой плотской жизни обделил пищей хозяина среднего дома».

22. О Создатель плотского мира, праведный! Обделяющий пищей охотничью собаку сколь согрешит такими делами? – И сказал Ахура-Мазда: «Настолько согрешит, как если бы он в этой плотской жизни обделил пищей пришедшего к нему в дом столь же праведного мужа, обладающего теми же качествами, что и священник» [5, 116].

Из приведенного небольшого отрывка из Авесты становится очевидно, что в основе культа собаки лежит именно экономика, так как даже уровень почитания и ухода за данным животным зависит от степени ее полезности в хозяйственной жизни человека.

Собака у персов принимала участие и в различных религиозных практиках. Так, например, собака присутствовала рядом с умирающим человеком, так как считалось, что ее взгляд отгоняет злых духов. После смерти ей давали съесть кусочек хлеба с тела умершего, и только после этого извещали родственников о трагической новости.

Что же касается осетин, то культ собаки дошел до нас из аланского периода лишь в купированном виде. Возможно по этой причине в осетинской науке данная тема, по сей день, остается очень малоизученной.

Следы такого явления как культ некоторых животных прослеживаются в Осетии и в наши дни. Хотя и очень редко, но все же можно встретить у осетин на похоронах обычай посвящения коня покойнику. Понятие Фарна продолжает существовать, а его образ в виде бараньих рогов находит свое отражение в современном изобразительном искусстве. Всего этого, правда, современные осетины, придерживаются по инерции. Что же касается персов, то у них такое явление как культ животных до наших дней не сохранилось по причине проникновения во все сферы жизни исламского вероучения.

1. Соколова З.П. Культ животных в религиях. М.: Наука, 1972, 214 с.

2. Клейн Л.С. Древние миграции и происхождение индоевропейских народов. СПб: Санкт Петербург. 2007. 226 с.

3. Уарзиати В.С. Конь в обрядах и играх//Избранные труды. Том II. Владикавказ: Абета. 2018. 640 с.

4. Дандамаев М.А., Луконин В.Г. Культура и экономика Древнего Ирана. М.: Наука. 417 с.

5. Авеста в русских переводах (1861-1996). Под общ. ред. И.В. Рака. СПб.: РХГИ. 1997. 480 с.

6. Литвинский Б.А. Конгюско-сарматский фарн. (К историко-культурным связям племен Южной России и Средней Азии). Душанбе: Дониш. 1968. 120 с.

7. M. Boyce. Persian stronghold of Zoroastrianism. Oxford: Oxford University Press. 1977. 284 p.

III. ФИЛОЛОГИЯ

Ф.О. Абаева,
кфн, снс СОИГСИ им. В.И. Абаева
(Владикавказ)

НАЗВАНИЯ ТРАДИЦИОННОЙ ПИЩИ В ОСЕТИНСКОМ ЯЗЫКЕ

В статье рассматривается кулинарная терминология в лексике осетинского языка; её распределение по тематическим группам и подгруппам; выделяются лексико-семантические ряды; анализируются этимологические особенности; определяются основные способы её образования.

Разнообразие традиционной кухни осетин, как и терминологии, с ней связанной, отражает социальную и духовную бытность народа, в ней находят выражение культурные и исторические отношения. Исследуемый материал имеет особое значение в лингвистическом аспекте, поскольку он как часть материальной культуры осетин способствует восстановлению реалий прошлой их жизни, отношение к окружающему миру, национальным обрядам и поверьям, связанным с пищей. Сбор, фиксация и анализ лексики, связанной с кулинарной терминологией, её интерпретация в историко-сравнительном плане чрезвычайно актуально для выяснения проблем в подсистеме культуры жизнеобеспечения.

Ключевые слова: осетинский язык, терминология продуктов питания и кушаний, лексика материальной культуры.

The article deals with culinary terminology in the vocabulary of the Ossetian language, it is divided into thematic groups and subgroups, lexical and semantic series are distinguished, etymological features are analyzed, and the main ways of its formation are determined.

The diversity of the traditional cuisine of the Ossetians, as well as the terminology associated with it, in our opinion, reflects both the social and spiritual life of the people, and the cultural and historical relations of the Ossetians find expression in it. The studied material is of particular importance in the linguistic aspect, since it, as part of material culture, will help to restore the realities of people's life in the past, their attitude to the environment, to

national rituals and beliefs related to food. Consequently, the collection, fixation and analysis of vocabulary associated with the names of food, its interpretation in historical and comparative terms are of great scientific and practical importance.

Keywords: *Ossetian language, vocabulary of material culture, terminology of foodstuffs and meals.*

Статья посвящена комплексному исследованию структурных и семантических особенностей названий традиционной пищи в осетинском языке. Материал для исследования получен методом сплошной выборки из словарей осетинского языка [1, 2, 3, 4], частично – из этнографической литературы [5, 6, 7, 8], а также из полевого материала автора. Актуальность комплексного изучения терминологии, связанной с традиционной пищей, обусловлена повышенным интересом к составу отраслевой лексики осетинского языка.

Перед автором изысканий стояла цель: исследовать номинацию продуктов питания и кушаний, дать их структурно-семантическую характеристику. Описание кулинарной терминологии регистрирует культуру питания осетин, отражает этнокультурную картину мира этноса, потому что пища – наиболее устойчивый компонент материальной культуры.

Традиционная кухня осетин состояла из «продуктов, произведённых в условиях комплексного земледельческо-скотоводческого (зернового и мясо-молочного) хозяйства. Некоторое разнообразие в систему питания вносили продукты охоты, собирательства съедобных дикорастущих растений и рыбной ловли. В традиционном пищевом рационе осетин они играли вспомогательную роль» [7, 4]. Таким образом, состав блюд был обусловлен особенностями условий жизнедеятельности и жизнеобеспечения людей.

Состав лексико-семантических групп, на которые распределялась кулинарная терминология осетинского языка, определяется наличием у осетин мучной, зерновой, мясной видов пищи, а также традиционных национальных напитков. Исходя из этого, производилась маркировка исследуемых словарных рядов.

Достаточно широким словарным рядом представлена лексико-семантическая группа «**названия мучной повседневной пищи**»:
кæрдзын хлеб; чурек;

нартхоры кæрдзын кукурузный чурек;
хор хлеб зерновой;
хоры кæрдзын ячменный хлеб;
сысджыйæ кæрдзын овсяный хлеб;
гул пирожок, хлебец овальной формы;
хыссæ тесто;
сойыфых лепёшка с измельчённым сыром, жареная на топлёном масле;
задын лепёшка из ячменного солода;
тæн тонкая лепёшка;
тыппырон хлеб из ячменной муки;
æнхъизæнджын дрожжевой пшеничный хлеб;
сир каша из кукурузной муки, сваренной в кислой сыворотке;
хару каша из муки на масле;
къæлуа блюдо из овсяной муки;
хæлтæамæ кукурузные галушки;
хæнкъæл лапша;
дзуакатæ хворост;
мыдамæст медовая лепёшка;
хъæбын пирожок с мысом или сыром;
леле-гуыдын пышный хлеб;
халыввæ пирожок.

Лексема *чъиритæ* 'пироги' является гиперонимом по отношению к лексико-семантическому ряду, который выделяется в самостоятельную категорию «**названия мучных изделий с начинкой**»:

уæлибæх/уæливых с сырной начинкой;
хæбизджын с начинкой из свежего сыра;
цыхтджын с сырной начинкой;
фыдджын с рубленным мясом;
хъæдурджын с фасолью;
цæхæрадджын со свекольной ботвой и сыром;
хъæдынздджын с начинкой из зелёного лука;
картофджын с картофельным пюре и мягким сыром;
къабускаджын с тушёной капустой и луком;
насджын с тыквой и луком;
къозоджын/зокъоджын с грибами;
лакъами с солодовой начинкой;

фиуджын с говяжьим внутренним жиром;
скъудаджын с начинкой из горной черемши и сыра;
давонджын пирог с начинкой из свежего сыра и дикого чеснока;
пысыраджын с крапивой и луком;
хъолоджын с начинкой из конского щавеля;
футæгджын с начинкой из лебеды;
фæткъуджын с начинкой из яблок;
кæрдоджын с начинкой из груши;
балджын с начинкой из вишни;
сæрисгæ пирог не разрезаемый, а вскрываемый сверху;
када сдобная выпечка с начинкой из жареной в топлёном масле муки и сахара.

В отдельную группу выделяются кулинарные термины, обозначающие так называемую жидкую пищу – «**названия похлёбок и супов**»:

быламышъ молочная похлёбка из овсяной муки и кваса;
хомыс мучная болтушка;
хамбохъ молочная похлёбка из пшеничной муки и топлёного масла;
касдон суп молочный;
бас бульон; суп;
турæ бас суп из жирных кусков говядины;
хъæдурдон бобовая похлёбка;
хæбургъæ похлёбка из ячменя;
хуппи жидкое;
хæлтъамæдон кукурузная похлёбка;
хъæрмухуыпп, *хъæрхуыпп* мясная похлёбка.

Лексико-семантическая группа «**названия растительной повседневной пищи**»

цæхæра, *дзæхæра* густой суп из кукурузной муки, сезонной зелени, сливок, куриных яиц и соли;
дзæрна блюдо из сваренных вместе фасоли и кукурузы;
цæхдон рассол;
нурьцæхдон сметанный соус с чесноком;
æууæрц комок мятой молодой крапивы;
цывзыцæхдон соус из сваренных и замаринованных листьев перца со сметаной или сливками;

хъæдурцæхдон фасолевый соус;
хъолоцæхдон щавелевый соус;
пысырацæхдон соус из крапивы.

Значительна по своему составу лексико-семантическая группа
«названия молочной повседневной пищи»:

урсаг молоко и продукты его переработки;
цыхт сыр;
фæлмæн цыхт свежий мягкий сыр;
хъæбæр цыхт твёрдый солёный сыр;
хæндыджы цыхт твёрдый сыр в бочке с рассолом;
хус цыхт высушенный сыр;
суардзæхдон рассол из молочной сыворотки;
сылы сыворотка;
хуырх кислая сыворотка;
дзыкка каша из свежего малосольного сыра с мукой;
царвæхсидæн каша из сметаны;
нæлхæ сливочное нетоплённое масло;
гарачы сливочное масло;
царв топлёное масло;
зети растительное масло;
æхсырыцъар сливки;
хъаймахъ сливки;
мисын кисломолочная масса, пахтанье;
къæдор творог;
цыхтыдзыкка блюдо из свежего сыра, сливочного масла, кукурузной муки, соли;
уæлкъæйдзыкка блюдо из кукурузного теста, творожного сыра, сметаны, соли.

Лексико-семантическая группа **«названия мясной повседневной пищи»:**

къуыдырфых дзидза мясо, сваренное без всяких приправ;
физонæг шашлык;
фæрскъфизонæг шашлык из рёбер;
æхсæмбал шашлык из бараньих внутренностей;
цæхджын фыд засоленное мясо;
сурфых отварное мясо;
руд колбаса;

тахынагг колбаса из бараньего желудка и кишок;
къуызымон колбаса;
лывзæ рагу из говядины
карчы цурд рагу из курятины
лывзæ рагу из мяса с картофелем, овощами, зеленью, перцем;
джыкк-лывзæ мясо тушёное в сметане;
карчы лывзæ рагу из курицы;
дзормæ колбаса из субпродуктов и тонких кишок;
зормæ домашняя колбаса.

В лексико-семантическую группу «**названия повседневных напитков**» мы включили номинации безалкогольных и алкогольных видов:

сылы свежая молочная сыворотка;
хуырх кислая молочная сыворотка;
хуырхдон сыворотка;
къуымæл квас;
уæрас буза;
цай чай;
махсымæ брага;
бырæгъ брага из проса;
сæн вино;
бæгæны пиво;
къаматтаг второсортное пиво;
ронг хмельной напиток из мёда;
ронг дыдзы уагъд ронг вторичной перегонки;
къæпы кисломолочный напиток;
къæпытымисын кефир;
мисын пахтанье из обезжиренного молока;
цымгæ кисель из овсяной муки;
туаг цымгæ кисель;
сысджыйы цымгæ овсяный кисель;
æхсыры цымгæ молочный кисель.

Исследователи считают, что «этнографическая лексика осетинского языка представляет собой богатый и структурно организованный слой лексики, являющийся неотъемлемой частью осетинской общепотребительной лексики, что дает возможность квалифицировать его и как терминологический, и как профессиональный» [9, 63].

Лексико-семантическая группа «**названия традиционной ритуально-обрядовой пищи в осетинском языке**» состоит из следующих терминов:

æртæдзыхон ритуальный пирог треугольной формы с сыром;
гуыдын большой ритуальный пирог с начинкой из свежего сыра или курятины;
куырды гуыдын, букв. гудын кузнецу, пирог с начинкой из сыра;
æртхурон большой круглый ритуальный пирог;
хæбизджын пирог с начинкой из творога или свежего сыра;
скъудаджын, *даводджын* пирог с черемшой;
лауыз плоская тонкая лепёшка;
басылтæ, *дедатæ*, *лæппынтæ* новогодние пшеничные лепёшки антропоморфных и зооморфных форм, а также в виде предметов быта;
цæрвæхсидæн блюдо из муки, топлёного масла и варёной сметаны, готовилось в период Цæрвкъахæнтæ (Масленицы);
урс хæлуа десерт из муки и масла;
къæлуа овсяное блюдо.

О таком пироге, как *фыдджын* 'пирог с начинкой из рубленого мяса', говорится, что «он является пищевым воплощением комплексного развития земледельческо-скотоводческих традиций. Эти пироги готовились только на праздничные трапезы, связанные с положительными эмоциями» [7, 7]

К данному ряду кулинарных терминов примыкает и словарная парадигма «**названия ритуально-обрядовых напитков в осетинском языке**», куда относятся:

æлутон пиво особой варки;
ронг медовуха;
арахъхъ арака;
бырæгъ брага;
къуымæл квас;
дваино арака двойной перегонки;
Тутыры нозт, букв. напиток Тутыра, смесь араки с квасом.

Относительно происхождения исследуемого пласта лексики В. И. Абаев отмечал, что «кулинарная терминология в осетинском весьма пёстрого происхождения. Немногим иранским словам (*физонæг* 'шашлык', *фыдджын* 'пирог с мясом', *царв* 'масло', *мисын* 'пах-

танье', *уэливых* 'пирог с сыром' и некоторым другим) противостоят элементы субстратные и заимствованные: *кæрдзын*, *дзул* 'хлеб' *хару дзæрна* '(разные каши)', *халыввæ* 'пирожок', *лывзæ* 'жаркое', *хæнкъæл* 'лапша' и др.» [1-1, 217-218].

Интересным представляется этимология некоторых базовых пищевых терминов в осетинском языке. Например, лексема *кæрдзын*, обозначающая хлеб, и в настоящее время приобрела универсальную семантику, называя практически любой хлеб или мучное изделие. В прошлом она имела конкретное значение: «не употребительный отдельно **kær* разъясняется как старое название 'ячменя', усвоенное из кавказских языков. Потребность в заимствовании слова для ячменя возникла, надо думать, в связи с тем, что иранское название этого злака (*yava-*) закрепилось в осетинском за просом (см. *јæw*). Исходное значение слова *кæрзун* было, таким образом, – 'ячменный'» [1-1, 585].

При выявлении способов образования кулинарной лексики определено, что, в основном, названия блюд и напитков являют собой однословные номинативные термины. Например: *кæрдзын* 'чурек', *хару* 'каша из муки на масле', *къæлуа* 'блюдо из овсяной муки', *быламыхъ* 'молочная похлёбка из овсяной муки и кваса', *хомыс* 'мучная болтушка', *хамбохъ* 'молочная похлёбка из пшеничной муки и топлёного масла', *цыхт* 'сыр'. Сложных слов, образованных путём сложения двух именных основ, меньше по количеству; например: *хъæдурдон* 'фасолевая похлёбка', *хæлтъамæдон* 'кукурузная похлёбка', *нурьцæхдон* 'сметанный соус с чесноком', *царвæхсидæн* 'каша из сметаны'.

Преобладающим типом морфологического образования кулинарных терминов осетинского языка является суффиксация, где к именной основе присоединяется суффикс *-джын*, который указывает на содержание чего-либо. Именно в силу семантической специфики данного суффикса, он выступил формантом образования терминов, обозначающих названия пирогов с различной начинкой, в которых мотивирующей основой является собственно слово, обозначающее вариант начинки пирога: *цæхæра-*, *хъæдындз-*, *къабуска-*, *нас-*, *бал-*, например: *цæхæраджын* 'со свекольной ботвой и сыром', *хъæдындзджын* 'с начинкой из зелёного лука', *къабускаджын* 'с тушёной капустой и луком', *насджын* 'с тыквой и луком', *балджын* 'с начинкой из вишни'.

Наименьше количество кулинарных терминов образовано синтаксическим способом. Это словосочетания, сформированные по модели **прил. + сущ.**, например: *нартхоры кæрдзын* 'кукурузный чуре'; *турæ бас* 'суп- из жирных кусков говядины'; *фæлмæн цыхт* 'свежий мягкий сыр'; *хъæбæр цыхт* 'твёрдый солёный сыр'; *хæндыджы цыхт* 'твёрдый сыр в бочке с рассолом'; *хус цыхт* 'высушенный сыр'; *карчы лывзæ* 'рагу из курицы'.

Основным мотивировочным признаком в образовании кулинарной лексики осетинского языка является ингредиент, из которого приготовлено блюдо.

В семантике кулинарной лексики осетинского языка содержатся, как выявило исследование, обозначения собственно сырья и ингредиентов, из которых приготовлено блюдо (*нартхоры кæрдзын* 'чурек из кукурузы'); способы обработки и приготовления пищи (*къуыдырфых дзидза* 'мясо, сваренное без всяких приправ'; *сойыфых* 'лепёшка с измельчённым сыром, жареная на топлёном масле'; *уæлкъæйдзыкка* 'блюдо из кукурузного теста, творожного сыра, сметаны, соли').

Таким образом, заключая изыскания, приходим к следующим выводам:

- названия пищи классифицируются на следующие лексико-семантические группы: общие названия; названия, связанные с распорядком принятия пищи и процессом еды; названия молочных продуктов и блюд; названия мясных продуктов и блюд из них; названия ритуальной и обрядовой пищи; наименования напитков;

- кулинарная терминология в осетинском языке представлена исконным и заимствованным пластом. Исконная лексика – общеиранскими и собственно осетинскими словами. Заимствованные слова – лексическими элементами из тюркских, кавказских и русского языков.

- обращая внимание на способы образования названий пищи в осетинском языке, выделили суффиксацию, словосложение и описательный способ (словосочетания).

- наиболее древними кулинарными терминами считаются названия *физонæг*, *сир*, *уæливых*, название напитков *ронг* и *æлутон* [10].

Проведённое исследование представляется нам перспектив-

ным. Рассмотренная в работе пищевая терминология осетинского языка может быть в дальнейшем разобрана и проанализирована в междисциплинарном ключе.

-
1. Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. I. М.–Л.: Издательство Академии наук СССР, 1958. 655 с. Т. II. Л.: Наука (Ленинградское отделение), 1973. 448 с. Т. III. Л.: Наука, 1979. 358 с. Т. IV. Л.: Наука, 1989. 325 с.
 2. Миллер В. Ф. Осетинско-русско-немецкий словарь. В 3-х томах / Под. ред. и с доп. А. А. Фреймана. Л., 1927. Т. I.; 1929. Т. II; 1934. Т. III. 1730 с.
 3. Осетинско-русский словарь. 5-ое изд. Владикавказ, 2004. 540 с.
 4. Толковый словарь осетинского языка: в 4 т.// Под общ. ред. Н. Я. Габараева. Т.1. М., 2007. 510 с.
 5. Айларты И. Ирон фарн: Обычаи, традиции и быт осетинского народа. Владикавказ, 2012. 392 с.
 6. Калоев Б.А Осетинские историко-этнографические этюды. М.: Наука, 1999. 393 с.
 7. Канукова З. В. Традиционная пища осетин. Владикавказ: Издательско-полиграфическое предприятие им. В. Гассиева, 2005. 58 с.
 8. Чибиров Л.А. Традиционная духовная культура осетин. М.: РОССПЭН, 2008. 711 с.
 9. Бесолова Е.Б. Отражение системы мировоззренческих знаний осетин в языке и его когнитивной структуре // Известия СОИГСИ. 2014. № 14 (53). С. 63–72.
 10. Абаев В. И. Скифо-европейские изоглоссы на стыке Востока и Запада. Постановка проблемы, М.: Наука, 1965.

**И. А. Хомченкова,
научный сотрудник
ИРЯ им. В. В. Виноградова РАН,
младший научный сотрудник
Института языкознания РАН,
аспирант НОШ МГУ имени М. В. Ломоносова
«Сохранение мирового
культурно-исторического наследия»**

ГЛАГОЛ ИВЫН 'МЕНЯТЬ' В ОСЕТИНСКОМ ЯЗЫКЕ

*Исследование поддержано Российским научным фондом № 22-28-01639
«Создание двуязычной цифровой версии Историко-этимологического словаря осетинского языка В.И. Абаева»

Данная статья посвящена мало описанному на текущий момент лексическому полю замены в осетинском языке (иронский диалект). Значение 'менять' в общем случае выражается в осетинском с помощью глагола ивын, который может сочетаться с различными превербами. Мы описываем значение глаголов аивын, раивын и баивын в рамках фреймового подхода к лексической типологии. Показано, что глагол аивын в основном употребляется во фрейме 'частичное изменение' ('Залина изменила цвет волос'), глагол баивын - во фрейме 'обмен' ('Алан обменял лошадь на быка'), глагол раивын - во фрейме 'замещение' ('Один сторож сменил другого на посту'). Фрейм 'замена на новый' ('Алан сменил (грязную) рубашку (на чистую)') имеет промежуточный статус - в различных контекстах допустимы все три глагола.

Ключевые слова: глаголы замены, превербы, лексическая семантика, лексическая типология, фреймовый подход, осетинский.

The paper is devoted to the underdescribed lexical semantic domain of change in Ossetic (Iron dialect). The meaning of 'change' is generally expressed in Ossetic with the verb ivyn, which can be combined with various preverbs. We describe the meaning of the verbs aivyn, raivyn and baivyn adopting the frame-based approach to lexical typology. I show that the verb aivyn is mainly used in the frame 'partial change' ('Zalina changed the colour of her hair'), the verb baivyn – in the frame 'exchange' ('Alan exchanged a horse for a bull'), the verb raivyn – in the frame 'replacement [of people]' ('one watchman replaced another one'). The frame 'replacement with a new object' ('Alan changed his [dirty] shirt [for a clean one]') has an intermediate status – all three verbs are acceptable in different contexts.

Keywords: change verbs, preverbs, lexical semantics, lexical typology, frame-based approach, Ossetic.

Настоящее исследование посвящено описанию семантики глагола *ивын* 'менять' в сочетании с превербами в осетинском языке (иронский диалект). Данные были собраны методом анкетирования носителей в г. Владикавказе в 2022 г. в рамках проекта под руководством О.И. Беляева.

В осетинском языке существует восемь превербов: *а-, æр-, æрба-, ба-, ны-, ра-, с-, фæ-*. Они могут указывать на направление движения и положение говорящего (в первую очередь с глаголами движения, см. таблицу 1), а также выражать аспектуальные значения (функционируя как показатели перфектива), см., в частности [1, 285–289]. Аспектуальные значения превербов недостаточно изучены; выбор некоторых превербов обусловлен лексической сочетаемостью.

Таблица 1. Превербные формы глагола *цæуын* 'идти' [2, 41]

Преверб	Значение	Положение наблюдателя
<i>а-цъд</i>	'вышел'	наблюдатель находится внутри
<i>ра-цъд</i>		наблюдатель находится снаружи
<i>ба-цъд</i>	'вошел'	наблюдатель находится снаружи
<i>æрба-цъд</i>		наблюдатель находится внутри
<i>æр-цъд</i>	'сошел, пришел сверху'	наблюдатель находится внизу
<i>ны-цъд</i>		наблюдатель находится наверху
<i>фæ-</i>	'движение в любом направлении от говорящего'	
<i>с-</i>	'движение вверх'	

Некоторые примеры употребления глагола *ивын* с превербами представлены, например, в [3, 557]: *qūg galæj baivta* 'он **обменял** корову на быка', *ki raivta mæ qamatæ?* 'кто **поменял** мои кинжалы?' Значения этого глагола в словаре [4] приводятся в таблице 2, подчеркиванием выделены релевантные переводы.

Таблица 2. Глагол *ивын* 'менять' и его значение по словарю [4]

Глагол	Перевод
<i>ивын</i>	1) <u>менять(ся), обменивать(ся); заменять</u> ; 2) линять (о ткани)
<i>аивын</i>	1) <u>изменить, сменить, переменить</u> ; 2) отменить; заменить; 3) <u>переместиться, измениться</u> ; 4) переключиться; 5) вылинять; 6) переместить, перевести; 7) перейти; <i>цу куыстæй иннæ куыстмæ аивын</i> 'перейти с одной работы на другую'
<i>баивын</i>	1) <u>обменять(ся); заменить; переменить, сменить</u> ; <i>библиотекайы чиныг баивын</i> обменять книгу в библиотеке; <i>фатер баивын</i> обменять квартиру; 2) <u>выменять, променять</u> ; 3) <u>разменять</u> ; <i>æхца баивын</i> разменять деньги; 4) перенести; переместить, переставить; 5) переехать, переселиться

<i>раивын</i>	1) перевести(сь); <u>переменить(ся)</u> ; 2) <u>изменить(ся)</u> ; 3) <u>сменить, переменить</u> ; 4) вылинять; <i>сгæллæд раивта</i> сукно вылиняло.
<i>æрбаивын</i>	1) <u>быстро переменить, изменить</u> ; 2) переселиться
<i>фæивын</i>	1) <u>изменять(ся), менять(ся)</u> ; 2) линять (о материи)
<i>сивын</i>	1) <u>изменить(ся), сделать(ся) иным</u> ; 2) облинять, слинять, полинять; 3) переехать, переселиться (снизу вверх, напр. на верхний этаж)
<i>æривын</i>	1) переместить (сверху вниз); 2) перейти, перебраться, переселиться (сверху вниз)

Как видно из таблицы 2, глагол *æривын* не имеет значения 'менять', и далее мы его не рассматриваем. У глагола *сивын* есть значение 'измениться'. Однако, согласно мнению носителей, он может употребляться лишь в значении 'линять': *хæдон сивта* 'рубашка полиняла'; этот глагол также далее не обсуждается.

Интерес представляют глаголы *æрбаивын* и *фæивын*. Некоторые носители отмечали, что глагол *æрбаивын* подразумевает быстрое, неожиданное изменение, но он редко употребляется. Действительно, в осетинском национальном корпусе [4] он встретился лишь 9 раз. Глагол *фæивын* является более распространенным (169 вхождений в корпусе); носители отмечали, что он имеет значение 'постепенно менять(ся)', 'часто менять'.

В настоящей статье мы ограничимся описанием семантики трех наиболее распространенных глаголов *аивын* (3476 вхождений в [4]), *раивын* (935 вхождений) и *баивын* (621 вхождение). Исследование этих глаголов проведено в рамках фреймового подхода, который основан на совмещении методов грамматической типологии и Московской лексико-семантической группы [6]. Под фреймами понимаются ситуации, «которые чаще всего противопоставляются лексическими средствами в языках мира» [6, 12]. Например, в зоне плавания есть четыре фрейма, условно обозначаемые как 'swim' (активное плавание одушевленного участника), 'drift' (плавание неодушевленного объекта по течению), 'float' (статичное положение на поверхности воды) и 'sail' (плавание судов) [6, 12].

Лексическое поле замены на текущий момент мало исследовано. Согласно [7], в этой выделяются четыре основных фрейма: частичное изменение, замена объекта, обмен, замещение. Рассматриваются ситуации контролируемого изменения, в котором задействован хотя бы один активный участник (ср. *Маша изменила прическу* и

Прическа Маши изменилась). При дальнейшем изложении мы также основываемся на работе [7].

В некоторых языках существует несколько глаголов, которые употребляются в различных фреймах (ср. французские данные: *changer, remplacer, réformer, inverser, échanger, alterer, modifier* [8]), в некоторых есть лишь одна доминантная лексема, покрывающая все контексты (например, удмуртский глагол *воштыны*). Осетинский представляет другую картину – в нем есть один доминантный глагол *ивын*, который модифицируется превербами (похожая ситуация представлена и в русском, ср. *поменять и обменять; заменить, изменить и сменить*).

Далее мы рассмотрим, какие глаголы в осетинском языке (*аивын, баивын* или *раивын*) употребляются в перечисленных выше фреймах зоны замены.

Частичное изменение. Во фрейме ‘частичное изменение’ есть два основных участника: агенс и пациенс, см. *Повар*_{АГЕНС} *изменил рецепт*_{ПАЦИЕНС}. Также в предложении может присутствовать какое-либо свойство пациенса (например, цвет, форма): *Зæлинæ йæ дзыккуты хуыз аивта* ‘Залина поменяла цвет волос’, *Зæлинæ йæ ныхты конд аивта* ‘Залина изменила форму ногтей’. В эту группу также относятся абстрактные ситуации: *Зæлинæ йæ цард аивта* ‘Залина изменила свою жизнь’.

Изменение в данном фрейме градуируется – глагол *ивын* сочетается с различными модификаторами (‘немного’, ‘полностью’ и др.), см.: *Хæринаггæнæг хъармхуыппы рецепт иучысыл аивта* ‘Повар немного изменил рецепт супа’.

Во всех приведенных выше примерах употребляется глагол *аивта*, в то время как глаголы *баивта* и *раивта* оцениваются как значительно менее приемлемые.

Замена объекта на новый. В ситуации замены объекта на новый присутствуют три участника: агенс и два объекта (исходный и новый), см.: *Алан*_{АГЕНС} *поменял линолеум*_{ИСХОДНЫЙ ОБЪЕКТ} *на паркет*_{НОВЫЙ ОБЪЕКТ}. ср. также осетинский пример: *Алан йæ хæдзары линолеум паркетыл баивта / раивта / ?аивта* ‘Алан поменял в своем доме линолеум на паркет’. Носители отмечали, что глаголы *баивта* и *раивта* в данном случае допустимы, в то время как глагол *аивта* оценивался как менее приемлемый (хотя два носителя отметили, что *баивта* может означать не замену, а обмен и поэтому менее допустим).

Интересно, что маркирование нового объекта возможно не только суперэссивом (-ыл), но и аблативом-инструменталисом (-æй), ср. похожий пример: *Алан йæ хæдзары паркет линолеумæй баивта / раивта / ?аивта* 'Алан поменял в своем доме паркет на линолеум'.

В таких контекстах новый объект часто может не получать явного выражения, поскольку похож на старый, см.: *Алан йæ (чъизи) хæдон аивта / раивта / ?баивта* 'Алан сменил (грязную) рубашку'. В данном случае носители отмечали, что глаголы *аивта* и *раивта* допустимы, в то время как *баивта* можно понять так, что Алан обменял рубашку на что-то еще. Однако в похожем примере *Алан сыгъд цырагъ аивта / баивта* 'Алан заменил перегоревшую лампочку' глагол *баивта* оказывается допустимым наряду с глаголом *аивта*, а глагол *раивта* оценивается как неприемлемый. Разница между этими примерами видна и в русском, ср. *Алан сменил / ?заменял рубашку* и *Алан заменил / ?сменил лампочку*. Как кажется, в первом случае подразумевается регулярная замена, в то время как во втором - замена в случае «поломки».

Обмен. В ситуации обмена присутствуют агенс, контрагент и два объекта (исходный и новый), см. пример: *Иностранец_{АГЕНС} обменял у грабителя_{КОНТРАГЕНТ} свой телефон_{ИСХОДНЫЙ ПРЕДМЕТ} на наручные часы_{НОВЫЙ ПРЕДМЕТ}*

Для данного фрейма типичен глагол *баивта* (хотя ряд носителей допускал и употребление глагола *аивта*), см.: *Алан бæх фысыл баивта / ?аивта* 'Алан обменял лошадь на быка'. Глагол *раивта* неприемлем.

Заметим, что в этих контекстах вновь суперэссив конкурирует с аблативом-инструменталисом: *Алан бæх фысыл / фысæй баивта* 'Алан обменял лошадь на быка'; различия в их употреблении на текущий момент не были обнаружены. В литературе также отмечены обе возможности маркирования. Так, в грамматике [1, 157] сказано, что аблатив обозначает «меру стоимости, веса и т.п»: *Картофы голлагæй баивтой мæнæу* 'Мешок картофеля обменяли на пшеницу', см. также пример из [9, 16]: *Скъоладзау баивта чиныг тетрадæй* 'Ученик обменял книгу на тетрадь'. При этом в [10, 154] отмечается, что в данных контекстах возможен как суперэссив, так и аблатив, ср. *йæ хор баивта хъуымацыл* 'он обменял хлеб на ткань' и *хъуг галæй баивта* 'он обменял корову на быка'.

В осетинском оценка говорящим двух объектов не выражается

грамматически (ср. русские глаголы *променять* и *выменять*, которые на первый взгляд имеют отрицательную и положительную оценку соответственно), ср. *Алан йæ телефон къафеттыл баивта* 'Алан променял свой телефон на конфету' (отрицательная оценка) и *Алан йæ æронд хъазæн ногыл баивта* 'Алан выменял старую игрушку на новую' (положительная оценка). В этих контекстах также допустим глагол *аивта* (но глагол *баивта* оценивается как более приемлемый); некоторые носители отмечали, что в последнем примере (с положительной оценкой) также может быть употреблен глагол *раивта*.

Интересно, что, несмотря на то что в словаре [4] у глагола *баивта* указано значение 'разменять' с приведенным примером *æхца баивын* 'разменять деньги', носители оценивали данный пример как неприемлемый, предпочитая конструкцию *лыстæг + кæнын* 'делать мелким', см. пример: *Алан мин сомы балыстæг кодта* 'Алан разменял тысячу рублей'.

Замещение. В ситуации замещения есть два человека, см.: *Алан-ЗАМЕСТИТЕЛЬ подменил заболевшего учителя-ЗАМЕЩАЕМЫЙ*. Рассмотрим следующий пример: *Математикæйы ахуыргæнæг географийы ахуыргæнæджы раивта* 'Учитель математики подменил учителя географии'. По мнению некоторых носителей, глагол *раивын* обозначает именно ситуацию подмены, когда один учитель провел за другого один урок, например, по причине болезни второго. В то же время для некоторых носителей возможна лишь интерпретация, при которой один учитель сменяет другого (по расписанию), и более точной формулировкой для искомого значения было бы *Математикæйы ахуыргæнæг географийы ахуыргæнæджы бæсты кусымæ рацыд / бакуыста* 'Учитель математики вышел на работу / отработал вместо учителя географии'. Аналогичная ситуация наблюдается и в примере *Студент рынчын ахуыргæнæджы раивта* 'Студент подменил заболевшего учителя' – некоторые носители отмечают, что глагол *раивта* означает 'сменил', а не 'подменил'.

При этом в таких контекстах, как *Æхсæвы хъахъхъæнæг раивта боны хъахъхъæнæджы* 'Ночной сторож сменил дневного сторожа' и *Уалдзæг зымæджы раивта* 'Весна сменила зиму', глагол *раивта* допустим.

Таким образом, глагол *аивын* в основном употребляется во фрейме 'частичное изменение', глагол *баивын* – во фрейме 'обмен',

глагол *раивын* – во фрейме ‘замещение’. Фрейм ‘замена на новый’ имеет промежуточный статус – в различных контекстах могут быть допустимы все три глагола.

В дальнейшем планируется привлечь корпусные данные и проанализировать контексты, в которых употребляются глаголы со значением ‘менять’, а также рассмотреть глаголы *фæивын* и *æрбаивын*, которые не обсуждались в текущем исследовании.

1. Багаев Н.К. Современный осетинский язык. Ч. I. Фонетика и морфология. Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжное издательство, 1965. 487 с.

2. Выдрин А.П. Глагол в осетинском языке // Востоковедение. Историко-филологические исследования. Межвузовский сборник статей. Вып. 30 (заключительный). Памяти акад. М. Н. Боголюбова. СПб, 2014. С. 25–80.

3. Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. I. М.–Л.: Издательство Академии наук СССР, 1958. 656 с.

4. Осетинско-русский словарь, 5-е изд-е. Около 30 тыс. слов. Владикавказ: «Алания», 2004. URL: <https://www.ironau.ru/vortaro.php>

5. Осетинский национальный корпус: [сайт]. URL: <http://corpus.ossetic-studies.org/>

6. Рахилина Е.В., Резникова Т.И. Фреймовый подход к лексической типологии // Вопросы языкознания. 2013. № 2. С. 3–31.

7. Бычкова П.А., Резникова Т.И. Лексическое поле ‘менять’. М., 2022.

8. Горшкова Ю.А., Чубарова Л.И. К лексической типологии глаголов замены: данные французского языка // Восьмая конференция-школа «Проблемы языка: взгляд молодых ученых». Тезисы докладов. М., 2021. С. 17–18.

9. Багаев Н.К. Современный осетинский язык. Ч. II. Синтаксис. Орджоникидзе: Ир, 1982. 493 с.

10. Thordarson F. Ossetic grammatical studies. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 2009. X+259 p.

Л. Дз. Плаева,
студентка СОГУ им. К.Л. Хетагурова
(г. Владикавказ)

НАРОДНЫЙ СЮЖЕТ О ЧЕРМЕНЕ ТУЛАТОВЕ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ОТРАЖЕНИИ Г.ДЗ. ПЛИЕВА

Статья посвящена одному из лучших драматургических произведений Гриша Дзамболатовича Плиева – трагедии «Чермен». В изысканиях рассматриваются идейно-художественные особенности и жанрово-композиционная специфика произведения, проводится сопоставительный анализ авторского сюжета с фольклорно-историческим сюжетом о Чермене Тулатове. Автор приходит к выводу, что при обработке народных преданий, в выборе дополнительных персонажей, использовании языковых средств Гриш Плиев демонстрирует свой поэтический талант и индивидуальный стиль.

Ключевые слова: осетинская литература, Гриш Плиев, трагедия, Чермен Тулатов, фольклорно-исторический сюжет, мотив.

The article is devoted to one of the best dramatic works by Grisha Dzambolatovich Pliev – the tragedy «Chermen». It examines the ideological and artistic features and genre and compositional specifics of the work, a comparative analysis of the author's plot with the folklore and historical plot about Chermen Tulatov is carried out. The article concludes that the author demonstrates his poetic talent and individual style in processing folk legends, choosing additional characters, using language means.

Keywords: Ossetian literature, Grish Pliev, tragedy, Chermen Tulatov, folklore-historical plot, motif.

В 1948 году известный осетинский писатель Г. Плиев написал трагедию в стихах «Чермен», которая впоследствии была признана лучшей из всех драматических произведений автора. Идейный замысел и содержание трагедии Г. Плиева в целом определили ее художественные особенности: композицию, историзм в изображении эпохи, язык произведения. Целью данной статьи является анализ произведения с точки зрения его идейно-художественных, жанрово-композиционных особенностей.

Литературное произведение написано на основе фольклорных преданий. Автор показал образ легендарного героя Чермена Тулатова из Кобана, который жил, согласно преданиям, на рубеже XVIII–XIX столетий. Гриш Плиев с художественным мастерством отобра-

зил образ героя и поведал о его непримиримой схватке с несправедливостью.

Почему Гриш Плиев выбрал именно образ Чермена для своего произведения? Ответ на этот вопрос достаточно прост: одним из самых известных сюжетов осетинского исторического фольклора является сюжет о Чермене. Этот герой уже давно стал для осетинского народа настоящим вдохновителем в выступлениях за свои права. Как пишет Р.С. Бзаров, протест Чермена «сделался универсальным символом борьбы и революционности» [1, 105]. Подобные Чермену не могут находиться в пределах конкретных временных рамок, поэтому чаще всего к ним и обращаются писатели.

Если проследить попытки интерпретации образа Чермена Тулатова в осетинской литературе, то первым, кто обратился к образу легендарного борца за справедливость, был Сека Гадиев. После литературной обработки народной песни писатель опубликовал стихотворение Чермен (1905 г.). Сюжет о Чермене в поэзии использовали Гино Бараков и Александр Кубалов. В **драматургии** этот сюжет лег в основу произведений Агубемира Кубатиева и Дабе Мамсурова. Авторская версия предания о Чермене представлена и в повести Уари Шанаева. Два обработанных пересказа предания можно найти у Ахмеда Цаликова в романе «Брат на брата» и у Дзахо Гатуева в очерке «Гизельстрой».

Известна оценка поэта, драматурга, исследователя истории осетинской литературы Ш. Джикаева, который посчитал литературную обработку предания о Чермене в исполнении Г. Плиева вершиной художественного мастерства. По его словам: «Бирæ фæлварæнтæ уйд ирон литературæйы æппæт жанрты Чермены сгуыхт равдисыныл, фæлæ геройы тох аивады бæрзæндмæ сита æрмæст Грисы курдиат» [2, 447]. – (Во всех жанрах осетинской литературы было предпринято много попыток для того, чтобы показать доблесть Чермена, но противостояние героя на вершину художественного мастерства смог поднять только талант Гриша).

При обращении к трагедии Гриша Плиева «Чермен» необходимо, в первую очередь, исследовать авторский сюжет: насколько он близок к фольклорной интерпретации; определить художественное своеобразие произведения.

Анализ всех имеющихся фольклорных жанров о народном герое представлен Р.С. Бзаровым в книге «История в осетинском преда-

нии». Автор провел собственную инвентаризацию и дал перечень фольклорных текстов о Чермене с паспортными данными; им перечислены 21 предание, 2 песни-сказания (кадæджы) и 12 песен [1, 13]; определив круг исследуемых текстов, дал четкое описание композиции фольклорного сюжета о Чермене. Р. Бзаров избрал в качестве инвариантной единицы исторического сюжета «мотив», затем выделил 12 следующих мотивов:

1. Раздел земли Тулатовыми.
2. Чермен в отлучке.
3. Чермену сообщают о разделе земель.
4. Чермен обращается к Тулатовым.
5. Чермен захватывает землю.
6. Чермен беспокоит Тулатовых.
7. Чермен уходит из Кобана.
8. Прогноз старика-ингуша.
9. Чермен совершает набеги на Кобан.
10. Возвращение Чермена.
11. Наделение Чермена землей.
12. Убийство Чермена [1, 15].

На основе приведенных Р.С. Бзаровым мотивов можно заключить, что из основных мотивов фольклорного сюжета Г. Дз. Плиев в своем произведении не использовал только 7, 8, 9 и 10, т.е. эпизоды, связанные с временным уходом Чермена из Кобана.

Мы видим у Г. Дз. Плиева и дополнительно введенные в трагедию мотивы, не имеющие, по заключению Р. Бзарова, сюжетообразующей роли в преданиях. Это такие мотивы, как «Чермен ловит волка», «Рукопожатие Чермена», «Чермен на Дарьяльской дороге» [1, 17]. В фольклорном сюжете данные мотивы – автономные, они легко обнаруживают свое содержание и легко могут включаться в главные сюжетообразующие мотивы. Этой их особенностью умело воспользовался Гриш Плиев и с помощью своего художественного воображения вплел данные автономные мотивы в основное действие своей трагедии. Данные мотивы, заметим, не развернуты, но все же у драматурга стали отличным средством для описания и подтверждения высоких личностных качеств Чермена.

Образ Чермена, созданный драматургом Г. Плиевым, точно описан Ш.Ф. Джикаевым: «Чермен у нæртон лæг. Нæ быхсы цагъары

уавæр, нæу разы цардæвæрдыл... Уымæ ис æфсарм, зонд, хъару æмæ сын домæ аргъ кæнын» [2, 449]. – (Чермен – нарт. Не терпит он рабское положение, не согласен с существующим жизненным укладом... У него есть скромность, ум, сила, и он требует, чтобы с этим считались). Давая точную характеристику образу-персонажу, известный осетинский поэт исходил из народных представлений о нем и трактовки его в трагедии Г. Плиева.

В фольклорном сюжете отсутствует любовный мотив, и в преданиях о жене Чермена упоминается только мельком. Г. Плиев же в сюжет своей трагедии вносит и любовный мотив. В произведении он служит для характеристики героев и как дополнительное средство, движущее события. На первом плане для героя и его избранницы всегда стоит страдающий несправедливостью народ: не ради любви, а ради своего народа живут и жертвуют собой истинные герои. Примером этому может служить отрывок, в котором скромная возлюбленная Чермена презрительно обзывает его трусом. Это происходит, когда она узнает, что он отказался кинуться вдогонку за кабардинскими князьями, угнавшими скот и людей (Чермену не сообщили, что вместе со скотом угнали и подневольных, поэтому он отказался последовать за угнанными табунами, а Азау не знала о его неосведомленности).

*Чермен: Что ж ты стоишь так далеко?.. Не бойся
И удостой поближе подойди.*

*Азау: Да кто ж таких как ты, бояться станет?
Вас не боятся даже те, кто дерзко
У вас под носом угоняет скот!
Ну храбрецы!.. Бессовестные трусы! [3, 75]*

При рассмотрении системы авторской оценки в данной трагедии становится очевидным, что отношение создателя произведения к изображаемым явлениям эпохи алдаров однозначное и крайне жесткое. Речи притеснителей в адрес простых, неравных им по статусу, людей наполнены презрением, которое отчетливо выявляется в ущемляющих честь и достоинство образных сравнениях. Например:

*...сау адæм зыд сты –
Куыдзæн æстæг куы аппарай, уæд*

*Дзидзамæ дæр дæм кæсдзæн æнхъæлмæ. Уадз сæ.
Хуы кæримæ куы баирвæза, уæд
Йæ сæрмæ хизы. Ма сæ кæнут ахуыр [4, 111].*

*У стуртæ, стуртæ!..
Æгомыг фос!.. [4, 135].*

В переводе Я. Апушкина эти отрывки представлены так:

*Да пусть они рычат – что до того? Запомни,
Собак полезно впроголодь держать,
Им бросишь кость – они запросят мяса...
Свинью подпустишь к куче кукурузы –
Она на кучу норовит залезть! [3, 49]*

*Баранье стадо!..
Упрямые, безмозглые скоты! [3, 78]*

На протяжении всего произведения в других речах – речах положительных героев: Чермена, Хаджи, Нана, Садула – чувствуется отображение всей совокупности мыслей и чувств, отражающих отношение автора к изображенной им действительности начала XIX в. Гриш Дзамболатович показывает всю тягость положения бесправного, зависимого класса, представители которого не в состоянии проявить полностью свой характер, чтобы защититься от нападков алдаров. Отрывок из текста:

*Садул:
...Æлдары бон цы нæу, нана! Дæлбар лæг
Цы нæ быхсы! Нырриуыгъон, зæгъын,
Йæ былтæ сырдаен, – нæй, мæ бон нæ баци,
Мæхиуыл та ныхæцыдтæн: цыдæр
Æнахуыр тых мын бабаста мæ къухтæ [4, 89]*

*...Алдару все позволено, нана...
Все вытерпеть обязан подневольный...
Да, я хотел за Дзиу вступиться,
Но ...не хватило мужества... как будто*

*Какая-то неведомая сила
Связала руки мне, и я сдержался...
Будь проклята она!* [3, 11]

Отдельные небольшие, но значимые роли в произведении принадлежат детям – нескольким мальчикам. В их играх, диалогах, в их искреннем восхищении и следовании Чермену вырисовывается заслуженная и правдивая оценка этому народному герою. Дети, которые еще не сломлены тяжестью феодальной эпохи, стали в произведении полноценным отражением постоянно гасимых алдарами качеств и достоинств народа. Им драматург вверяет некоторые ключевые действия. Так, например, в очень опасный момент именно один из детей ухитряется тайком выяснить о заговоре против Чермена, затем, бодрствуя всю ночь, находит возможность сообщить об этом Азау.

Композиция трагедии «Чермен» не имеет каких-то отличительных черт, автор не отошел от канонических правил классицизма. Г. Плиев, создавая свое произведение, максимально старался соблюсти «триединство» (места, времени, действия), являющееся типичным для трагедии классицистов. Время действия трагедии охватывает короткий период, действие объединяется вокруг центрального героя Чермена и единой интриги – покушения на жизнь героя. Место действия – горный аул Кобан. Следует отметить то, что во всех 5 актах трагедии действие происходит на одной и той же сцене. С развитием сюжета оно перемещается в разные места: возле сакли нана – 1-ый и 2-ой акты, площадь в ауле – 3-ий акт, дом Дакко и сакля Чермена – 4-ый акт, ложбина в дремучем лесу – 5-ый акт. Однако все это никак не нарушает единства действия.

Основное столкновение характеров в произведении имеет две стороны. *Внешняя* – борьба главного героя за землю, наделы для бедняков, а *внутренняя* сторона – это борьба за право быть человеком и за справедливость.

*Чермен: Мне трудно...
Я не смогу так дальше жить... Нет силы
Все те же унижения терпеть.*

Бестол: Чего ж ты хочешь?

*Чермен: Места человека...
Да, места человека на земле!.. [3, 42].*

* * *

*Чермен: Проклятие! Да разве я калека,
Лентяй, слепой, хромой или безрукий?!
Родились мы все равно на земле,
И мне, как вам, жить хочется – смеяться,
Дышать, любить, иметь свой дом! За что же
Я счастья жизни должен быть лишен?!
«Не человек!» – А чем не человек я?!
За что я вами превращен в раба?! [3, 111]*

Таким образом, ясно, что Чермен борется за свои человеческие права и достоинство. Помимо этого, он является и борцом за права простых людей. Гриш Плиев представляет его опорой и надеждой угнетенных. Чермен становится знаменем для окружавших его бесправных крестьян в их борьбе с алдарами.

*Садул: Как факел ясный и неугасимый,
Светить, Чермен, ты будешь нам во мгле
[3, 206].*

Однако, если снова обратиться к преданиям о Чермене, можно увидеть, что в фольклорно-историческом сюжете классовой борьбы нет, а Чермен борется только за свое звание «уæздан»-а*, претендует на те материальные ценности, которые должны принадлежать ему по праву кровного родства. Но именно незаурядные качества Чермена и масштаб его личности в фольклорно-историческом сюжете легко превращают этого героя в сознании людей в вожака классовой борьбы. Поэтому Г. Плиев и показал его в произведении таким предводителем.

Обобщая сказанное, можно заключить, что основные художественные средства для раскрытия характера героя – это характеристики персонажей, диалог и монолог, ремарки и действие. По тем же немногочисленным отрывкам из текста, которые были приведены выше, можно судить о широте эмоционально-художественной основы трагедии. Читатель в содержании произведения встречает и сердечную исповедь, и суровые тирады, и сдержанные полемики, и иронию с сарказмом.

* Уæздан – благородный; высшее привилегированное сословие в Алагирском и Куртатинском обществах [6, 152].

Трагедию Г. Плиева объединяет с другими литературными произведениями о Чермене идентичность сюжетной канвы, но в то же время, благодаря авторской индивидуальности, в ней легко обнаруживаются отличия.

Отличительной чертой трагедии Г. Плиева является художественный язык. Язык произведения – в совершенстве отточенный, образный, речь – ритмически организованная.

Как и другие его поэтические произведения, трагедия «Чермен» близка к жизни, поэтому у читателя она вызывает полное доверие по поводу истинности описываемых событий. Ещё А.Р. Бязрова точно заметила, что «осмысление глубинных основ человеческого бытия, «высших» целей человеческой деятельности является в трагедии важной творческой задачей. Вообще, человек, его бытие становится главным объектом философско-этического и художественно-эстетического мышления Г. Плиева. Он также составляет «смысловой центр» художественного произведения» [5, 6]. Можно сказать, что авторский идеал – это народный герой Чермен, с помощью судьбы которого драматург сумел показать эталон человеческих отношений и то, какой должна быть Личность.

1. Бзаров Р. С. История в осетинском предании: сюжет о Чермене. Владикавказ: Ир, 1993. 128 с.

2. Джыккайтты Ш. Ирон литературæйы истори. Дзæуджыхъæу: Ир, 2001. 463 ф.

3. Плиев Г. Дз. Чермен. М.: Изд-во «Искусство», 1959. 176 с.

4. Плиты Г. Уацмыстæ. Дзæуджыхъæу, 1951. 206 ф.

5. Бязрова А.Р. Эволюция образа Чермена Тулатова в осетинской фольклорно-литературной традиции: автореферат дис. ... кандидата филол. наук. Владикавказ, 2009. 22 с.

6. Дзадзиев А.Б., Дзуцев Х.В., Караев С.М. Этнография и мифология осетин. Краткий словарь. Владикавказ, 1994. 284 с.

А.К. Годизова
студентка
СОГУ им. К.Л. Хетагурова,
К.И. Хетагурова,
кфн, доцент кафедры осетинской литературы
СОГУ им. К.Л. Хетагурова
(г. Владикавказ)

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ СВОЕОБРАЗИЕ ПОЭЗИИ А.С. ГУЛУЕВА

В данном исследовании на основе литературного анализа рассмотрена лирика осетинского поэта Андрея Сергеевича Гулуева, изучено идейное и нравственное содержание, художественное своеобразие его поэзии. В статье приводятся фрагменты стихотворений, в которых наиболее ярко и точно рассматриваются жанры оды, элегии и послания. Научная новизна работы заключается в подходе к изучению произведений А.С. Гулуева с точки зрения жанрового своеобразия.

Ключевые слова: А.С. Гулуев, художественное своеобразие, поэзия, жанр, ода, элегия, послание.

In this study, on the basis of literary analysis, the lyrics of the Ossetian poet Andrei Sergeevich Guluev are considered, the ideological and moral content, and the artistic originality of his poetry are studied. The article contains fragments of poems in which the genres of ode, elegy and message are most clearly and accurately considered. The scientific novelty of the work lies in the approach to the study of the works of A.S. Guluev from the point of view of genre originality.

Keywords: A.S. Guluev, artistic originality, poetry, genre, ode, elegy, message.

При определении жанровой специфики творчества писателя большое значение приобретает уточнение самого понятия «жанр». Безусловно, самым популярным является понимание жанра как одного из уровней морфологического деления литературы, когда под словом «жанр» имеется в виду определенный вид литературных произведений, принадлежащих к одному и тому же роду. Ода, элегия, эпиграмма, послание, сонет представляют собой жанры лирического рода. Жанр может быть определен как способ реализации эстетических качеств литературы или уровень их конкретизации. Степень конкретизации, осуществляемый через посредство жанра, определяется характером эстетической жизни эпохи.

Исследование конкретных жанров дает возможность просле-

дить общее и частное в развитии каждой литературы, что является важным звеном в цепи выявления ее национальных особенностей. Отдельного рассмотрения заслуживает жанровое своеобразие творчества А.С. Гулуева, для исследования которого наиболее важными объектами являются стихи, написанные в лирическом жанре, и жанр поэмы. В лирике поэта можно выделить три жанровые разнотипности: элегия, послание, ода. В дореволюционном творчестве А.С. Гулуева наиболее характерны жанры элегии и послания.

Рассматривая вопрос о жанровом своеобразии лирики А.С. Гулуева необходимо остановиться на его стихотворениях, написанных на осетинском языке. Все эти стихи можно разделить на две большие группы – стихи одического и элегического характера.

Андрей Гулуев с самых ранних выступлений в периодике выделялся как поэт размышления о внутреннем состоянии души, поэт созерцания.

Состояние субъекта, лирического героя в его поэзии оставалось минорным, элегическим, но никогда не поднимавшимся до глубокого драматизма. Самый лиризм поэта глубоко проникновенен, он импонирует, хотя подчас и сентиментален. Драматизм не свойственен самому поэтическому естеству А.С. Гулуева, его художественной индивидуальности, его восприятию действительности, в которой он пребывал, порой, не принимая ее, мучаясь, чувствуя себя неприкаянным, неустроенным.

Одический характер некоторых стихотворений А.С. Гулуева, посвященных тем или иным сторонам общественной жизни, социальной действительности был вызван, прежде всего, внушениями официальной эстетики, по которой в определенный период самостоятельные суждения о реальной жизни запрещались.

Социальная наивность А.С. Гулуева была заключена в самой природе его лирического дарования. Одическая часть его лирики выполняла его основную функцию – социально-политической защиты самой личности поэта, ограждая его от идеологических и политических обвинений.

Элегическая часть наследия поэта свидетельствует о подлинном состоянии души поэта на протяжении пятидесяти лет жизни и творчества в советский период.

А.С. Гулуев искренне стремился стать поэтом, органически вы-

ражающим народную судьбу. Об этом ясно говорят многие его декларации. В кругу этих стихотворений наиболее выразительно стихотворение 1920 г. «Прости меня» («Ныббар мын»), в котором он говорит:

*Нэ бэсты сагъэстæ мæ зæрдæйы дарын,
Нэ бэсты сагъэстæй ныр дзаг у мæ сæр [1, 13].*

А.С. Гулуев был искренне убежден, что после победы в Отечественной войне наступит время «вечной весны» («вечной весной станет наша жизнь»). Однако иногда в его голосе появлялись слезы затаенной обиды и горечи, тихой грустью были проникнуты его видения и раздумья. Поэт никогда не забывал и честно пытался осуществлять свою декларацию о том, что миссия поэта – воспевать судьбу своего народа со всеми ее тревогами, бедами и обидами. Выполнение этой миссии не удавалось ему в полной мере, о чем свидетельствует стихотворение 1934 г. «Поэту». Адресат стихотворения не указан. Начало стихотворения рассказывает о доле самого автора:

*Давно не пел... Давно моя песня
Не раздаётся далеко, как когда-то.
Я старый должник нового времени, новой страны,
Свои дни и ночи промотал впустую.
Дни улетают как блестящие искры.
Как осенние листья падают на землю... [2, 128].*

И лишь после этой горестной констатации собственного душевного состояния начинается обращение к неизвестному нам поэту:

*Вот так и ты изо дня в день таешь, друг мой любимый
И твои дни уходят вот так же впустую... [2, 128].*

Постоянное ощущение неоплаченного долга вызывало у поэта горестное недоумение. Об этом прекрасное стихотворение «Вечером». Оно не только о реальном природном явлении, но и о «вечере» собственной жизни. В 1941 г. по прошествии двадцати лет после его «декларации» 20-го г. такое подведение итогов жизни было естественно. Поэт размышляет:

*Мæ сæнттæ мæ ахæссынц дæрд,
Мæ цæстытыл уайы мæ цард,
Мæ зæрдыл æрлæууынц мæ хæхтæ.*

*Цы скодтон? – Нæ бантыст фæндон,
Нæ баци мæ хъару, мæ бон,
Нæ бафыстон ме хæс æххæстæй.
Фæлыгъди мæ рæстæг мæнæй,
Фæстæмæ йын раздæхæн нæй,
Фæстæмæ нæ раздæхы дон дæр... [1, 24].*

Но после столь грустной и глубоко самокритической констатации поэт все же уповает на возможность творческого воскрешения и старается самовнушением оживить свою умолкнувшую музу:

*Мæ зæрдæ – мæ фæндыр, ныззар,
Дæ зардæн нæртон дзырд ыссар,
Кæд уаид дæуæн дæр æнцондæр [1, 24].*

«Анализ ряда стихотворений Гулуева советского периода дает возможность сделать вывод, что осетинский поэт, все более проявляя собственное видение эпохи, которое связано с его национальными корнями, вместе с тем продолжает углублять те традиции русской литературы, которые были освоены им еще в дооктябрьский период, и воплощает те новые веяния, которые стали неотделимыми от русской литературы» [3, 141].

Элегическое стихотворение «Мой путь» («Мæ фæндаг») отличается тем, что здесь поэт осмысливает свою судьбу в контексте народной судьбы, которая круто изменилась в период революции и обновления всей жизни. И здесь лицом к лицу сошлись обе жанровые разновидности Гулуева, элегическая и одическая. Первая рождает подкупающе искренние строки раздумий о своем пути в дореволюционное время, вторая – бурное славословие по адресу новой судьбы народа, социалистической нови:

*Мечты уносили
На крыльях меня невесомых,
Как будто голубки
Летели в небесную даль.
В заоблачных высях,
Далеко от жизни,
От дома
Не видел я горя,
Почти забывал про печаль [4, 29].*

Одическая часть стихотворений А.С. Гулуева, написанных на осетинском языке, с тематической и художественной точки зрения не совсем удалась поэту. Нетрудно заметить, что Гулуев даже в своих элегических раздумьях редко говорит о состоянии своей личности и о невыполнимости поэтической задачи, которую он взял на себя в 20-ом году.

Размышления о своей индивидуальной судьбе мы находим в более позднем и едва ли не единственном в этом плане стихотворении «В ясный день» («Æрттивгæ бон», 1962):

*Давно я пережил мученья, –
О, если бы не вспоминать о них! –
Но муке не было конца,
Кошмарные сны одолели мою душу.
Насильники без пощады
Тиранили меня, ругали свирепо.
И злобно смеялись надо мной, –
Невыносима была их издевка!
Но поглядим теперь: ясень день,
Исчезли кошмарные сны.
Меня приветят солнце, люди, земля,
Прогнали мои страхи, мои боли [2, 134].*

В последние годы жизни поэт вновь обращается к неизменному мотиву романтической поэзии, рассуждая о подобной трагической коллизии по-пушкински спокойно. Во втором стихотворении цикла «Мое родное село» поэт говорит о смене поколений в духе пушкинского шедевра «Брожу ли я вдоль улиц шумных»:

*Гляжу на кладбище...Здесь предки
Покоятся вечным сном,
Над ними в весеннем уборе
Деревья, словно всадники, стоят...
И знаю я: подобно предкам
Угаснет и наша жизнь когда-то,
И в жизнь придут новые поколения... [2, 135].*

Поэта интересовало историческое прошлое народа. Отразить страницу истории – из времен переселения обманутых горцев в Турцию – А.С. Гулуев попытался в поэме «Бечир» 1940 г., которая

отличается определенным драматизмом. Здесь общественно-историческое событие нашло отражение в трагической судьбе бедняка-горца, и явилась причиной его гибели. Автор сочувствует своему народу и резко обличает царских чиновников. Эта небольшая поэма занимает одно из почетных мест в творчестве А.С. Гулуева.

Стихотворения, написанные А.С. Гулуевым на русском языке, заслуживают особого внимания. На рубеже XIX-XX вв. для поэта была характерна элегическая лирика с субъективным эмоциональным началом. Несмотря на то, что дореволюционные элегии Андрея Гулуева отличались мрачной философией обреченности, его лирика продолжала традиции демократической литературы. Мы можем сказать, что у него нет пейзажей, абстрагированных от проявления авторской субъективности. В элегиях такого характера постоянным элементом является тесно связанное с изображенными картинами природы чувство любви или какое-либо другое состояние души поэта. Яркими примерами таких элегических лирических медитаций являются: «Фантазия» (1910), «Поймешь ли в скорбных стихах поэта» (1911), «Это было еще так недавно» (1911), «Пусть туманится» (1912), «Невозвратное» (1912), «Этюд» (1913), «Осень» (1915), «Льетса тихо река» (1916), «Мне помнится реки беспечное журчанье» (1916), «Прости» (1935). Образная основа этих элегий – окружающий материальный мир, дано конкретное описание реальных картин природы. Как правило, пейзаж созвучен чувствам поэта.

В лирическом жанре А.С. Гулуева отчасти можно выделить философскую элегию, которая представлена стихотворениями: «Не упрекай меня» (1915), «Пришел апрель» (1915), «Тебя уж нет» (1918), «Вечерняя заря» (1961), «Вечер» (1962). В этих элегиях появляются темы противоречивости мира чувств, мыслей человека, его размышлений о смысле жизни.

Элегии по типу строго разграничить нельзя. В лирике поэта нами выделен тип стихотворных посвящений, в которых с большей органичностью сливаются личное и общественное. Они связаны с именами видных общественных деятелей, талантливых писателей: «На могиле поэта» (1919), «Коста Хетагуров» (1934), «Пушкину» (1935), «Он дорог нам» (1939), «Нигеру» (1946), «Пламенное сердце» (1948), «Поэту» (1961), «М.Х.» (1961).

Элегиям, посвященным К. Хетагурову – любимому поэту Андрея Гулуева – присущи глубокая взволнованность, лиризм, трагическое противоречивое единство жизни и смерти:

*И, объятые нежной любовью
К позабытой могиле певца,
Волны шепчут ей слово участия
И звонят, и звонят без конца [2, 144].*

Говоря о лирике А.С. Гулуева, нельзя думать, что его интересовал лишь круг собственных переживаний. Интимную лирику поэт совмещал с общественно-гражданскими мотивами, его волнуют думы одновременно «о времени и о себе».

Рассмотрев тематику некоторых стихов-«песен» А. Гулуева, относящихся к лирическому жанру, можно сделать вывод, что автор живет общественными интересами своей страны. И эти стихи являются дальнейшим шагом к его активному вторжению в жизнь. Основной тон таких лирических стихов-«песен» поэта, как «Моя песня» (1941), «Песня счастья» (1943), «Песня победы» (1962), «Весенняя песня» (1964), «Звонят задушевные песни» (1964), – жизнеутверждающий, передающий счастье и радость бытия, торжество победы, восторженность:

*Влившись в безбрежное море,
В ярком сиянии света,
Волны, шумя на просторе
Песню споют о победе [2, 148].*

Особого внимания в лирике А.С. Гулуева заслуживает жанр колыбельной песни. Его «Колыбельная», написанная еще в 1916 г., имеет непростую сюжетную основу:

*Спи, моя деточка, деточка милая!
Глазки-жемчужинки тихо сомкни.
Плачу я, плачу я. Слезы постылые
Мне отравляют печальные дни...
Там далеко, за отчизной великою,
В чуждых владеньях, в безвестном краю,
С силою вражеской, грозною, дикою,
Пал твой родимый в жестоком бою... [2, 149].*

Автор предпочел для колыбельной песни медлительный напевный трехсложный размер и в его ритм ввел конечные дактилические рифмы, которые чередуются с мужской рифмой. Энергия и динамичность стиха позволяет представить всю трагическую ситуацию сюжета песни и ощутить великую нежность матери к ребенку и не менее великую ее скорбь по погибшему на войне мужу.

Значительное место в лирике поэта занимают миниатюры, которые он назвал «Раздумьями». Миниатюр 35, и каждая из них представляет собой маленькое законченное произведение. Это своеобразный итог поэтической, идейно-художественной зрелости писателя. Лирические миниатюры Гулуева вбирают в себя многие аспекты идейно-эстетических взглядов поэта на самые основы жизни и являются как бы философским и художественным обобщением явлений действительности. В тематическом плане эти произведения отличаются огромным разнообразием:

*Лгун не может быть поэтом,
Не зажжет огнем сердца.
Нам поведала об этом
Мудрость славного певца [2, 150].*

Миниатюры Андрея Гулуева во многом носят назидательный характер, они в определенной степени раскрывают те побуждения, согласно которым поэт желает формировать нравственные устои человеческой личности.

Все вышеизложенное позволяет нам прийти к некоторым выводам о художественном своеобразии поэтического дарования А.С. Гулуева.

Весьма разнообразными формами в его лирике представлены элегический и одический жанры, но наиболее удачными, наиболее высокохудожественными, на наш взгляд, являются элегии философского, пейзажного, любовного характера, лирические миниатюры.

1. Гулуев А. Осень моя. Избранные стихи и поэмы. Орджоникидзе: Ир, 1968. 172 с.
2. Келехсаева Л.Б. Гулуев А.С. и традиции русской поэзии. К 100-летию со дня рождения. Владикавказ: Алания, 1993. 188 с.
3. Хинчагова Ф.Х., Туаева Л.А. Тематическая эволюция поэзии А. Гулуева // Молодежь и наука. Вып.8. Ч.1. Владикавказ: СОГПИ, 2012. 352 с.
4. Гулуев А. Горное гнездовье. М., 1959. 74 с.

В. С. Дзарасов,
студент СОГУ им. К. Л. Хетагурова
(Владикавказ)

ИНТРОСПЕКТИВНЫЙ КРИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ АВТОРСКОГО ПОЭТИЧЕСКОГО ПЕРЕВОДА

В статье анализируются особенности поэтического перевода стихотворения К.Л. Хетагурова «Æрра фыййау» на английский язык с точки зрения непосредственно автора-переводчика. Проводится структурно-сопоставительный анализ перевода, обсуждаются переводческие трансформации. В статье поднимаются проблемы поиска английских эквивалентов осетинских лексем, рассматриваются уже известные переводы произведения и на другие языки; обсуждается практическая составляющая проделанной переводческой работы, проблемы и вопросы, возникающие в процессе.

Ключевые слова: перевод, поэзия, осетинский язык, поэтический перевод.

The article analyzes the features of the poetic translation of K. L. Khetagurov's poem «Insane shepherd» into English from the point of view of the author-translator directly. A structural and comparative analysis of translation is carried out, translation transformations are discussed. The article includes the problems of searching for English equivalents of Ossetian lexemes, examines already known translations of the poem into other languages; discusses the practical part of the work done, problems and issues arising in the process.

Keywords: translation, poetry, Ossetian language, poetic translation.

Отличительной чертой поэтического перевода является передача явных и скрытых авторских интенций, сохранение эмоционально-экспрессивного воздействия на реципиента (будь то читатель или слушатель). Помимо сохранения идеи, содержания переводчик, работающий над переводом поэтического текста, несмотря на свободный характер работы, должен передать и строгие рамки, в которые обрамлён поэтический текст – метрику (ритм, рифму). Несмотря на то, что полностью избежать потерь при переводе не представляется возможным, сохранённые в тексте перевода ритмический ряд и рифма оригинала считаются одним из важнейших признаков удачно проделанной переводческой работы.

Я. Мукаржовский считал, что единственным постоянным признаком поэтического языка является его «эстетическая» или «поэтическая» функция, которую он определял как «направленность поэтического выражения на само себя»: «Тем самым поэтический язык ставится в один ряд с многочисленными иными функциональными языками, каждый из которых означает приспособление языковой системы к какой-то цели выражения; цель поэтического выражения - эстетическое воздействие. Однако, эстетическая функция, которая таким образом доминирует в поэтическом языке (будучи в других функциональных языках только сопутствующим явлением), делает центром внимания сам языковой знак, выступая, следовательно, в качестве прямой противоположности действительной ориентации на цель, каковой в языке служит сообщение» [1, 286].

Перевод на мировые языки произведений, созданных в рамках ограниченной этнокультурной общности, дает мировому сообществу доступ к литературе такой общности, а также способствует сохранению языков, на которых такие произведения созданы. Художественный перевод в целом выполняет важнейшую социальную функцию, делая возможным межъязыковое общение людей. Распространение письменных переводов открывает людям широкий доступ к культурным достижениям других народов, делая взаимодействие и взаимообогащение литератур и культур возможным [2, 63].

Поэзия Коста Хетагурова, выступающая в данной статье в качестве предмета исследования, часто переводилась на разные языки [3], [4]. К сожалению, среди осуществлённых переводов мало переводов на язык интернациональной коммуникации и глобализационных процессов – английский. В связи с этим проблема наличия англоязычных переводов произведений основоположника осетинской литературы видится нам важной и актуальной в контексте присутствия осетинской литературы в мировом межкультурном пространстве.

Стихотворение «Æрра фыййау» («Безумный пастух»), рассматриваемое в статье, также переводилось на ряд языков [5], [6, 218]. Однако, как и в случае с большинством остальных произведений Коста Хетагурова, среди известных опубликованных переводов данного стихотворения до сих пор нет англоязычного перевода.

Стихотворение рассказывает о некоем сумасшедшем пастухе, который, желая поспать на облаке тумана, спрыгивает со скалы. Для

самого пастуха все заканчивается печально – он погибает, разбиваясь о камни.

«Æрра фыййау» давно вошло в учебные программы по осетинскому языку и литературе и изучается в школах как шуточное и юмористическое стихотворение, благодаря чему, в том числе, оно стало одним из самых известных произведений автора. Но до сих пор идут споры о природе такого поступка, об авторской интенции. Возможно, основой сюжета стихотворения послужили местные рассказы и предания. Так, Ш.Ф. Джикаев считает, что многие басни поэта – развернутые пословицы, подтверждая такую мысль ссылкой на записную книжку Коста, в которой зафиксирована поговорка: «Чидæр хохы сæрæй мигъмæ бæмбæг æнхъæл рагæпп кодта æмæ наххæррæгъ» – «Некто облако принял за вату, прыгнул с горы и разбился» [7, 42]. Содержание поговорки поэт превратил в сюжет стихотворения.

Но в поговорке отчетливы назидательность, осуждение этого «некто», тогда как в тексте стихотворения, облечённого в форму жанровой сценки, очерчен образ героя, приближаемый к читателю через внутренний монолог, через штрихи к его портрету и поведению. Формируется неравнодушие к происшедшему. Коста создает яркую поэтическую картину, в которой динамизм действия гармонично сочетается с психологическим состоянием персонажа.

Неоднозначность посыла поэта и, как следствие, различные интерпретации стихотворения читателем создают проблемы для переводчика при передаче данного произведения средствами другого языка. Данная работа является попыткой интроспективного анализа процесса, стадий и результата переводческой деятельности автора статьи. Тот факт, что это самонаблюдение не влияет на степень объективности и критичности анализа.

Исходный текст написан преимущественно четырёхстопным хореем, однако в разных строках чередуются различные стопы.

<i>Раджы хохы цъуппæй касти</i>	́ _ / ́ _ / ́ _ / ́ _
<i>Иу æрра фыййау,</i>	́ _ / ́ _ / ́
<i>Мигъ æнгом йæ быны бадти,</i>	́ _ / ́ _ / ́ _ / ́ _
<i>Урс цагъд къуымбилау</i>	́ _ / _ _ ́
<i>Бахъазыд дын æм йæ зæрдæ,</i>	́ _ _ _ / ́ _ / ́ _
<i>Тæккæ былгæрон,</i>	́ _ / _ _ ́

Сохранить особенности логаэда в переводе не представляется возможным, однако, как и в оригинальном тексте нами используются нарушения размера и количества стоп.

Остановимся подробнее на выборе английского эквивалента осетинскому **æрра**, важность адекватного выбора которого подчеркивается тем фактом, что обозначенная лексема присутствует в названии стихотворения и в характеристике персонажа в экспозиции.

Примечательно, что название в поэтических текстах, как правило, не играет значительной роли [8]. В случае с рассматриваемым произведением дело обстоит несколько иначе – свойственная поэту прямолинейность определяет героя произведения с самого начала, программируя читателя на ожидания нелепого, безумного поступка, поведения представителя определенного рода занятий.

Согласно В.И. Абаеву, **æрра** – сумасшедший, безумный [9,179].

Словарь под редакцией Т.А. Гуриева содержит следующие данные: «сумасшедший, бешеный; умалишённый; безрассудный; сумасбродный; горячий; буйный; глупый» [10,597].

В словаре Н.Я. Габараева **æрра** лексикографируется следующим образом: «1. *Психикон æгъдауæй рынчын; йæ зонд йæ бар кæмæн нæу, ахæм (сумасшедший, умалишённый); 2. Адылы, æнæрхъуыды, æнæзонд (безрассудный, сумасбродный); 3. Тынг фыдуаг, æгæнон, къæбæда, галиу (фæдзырдæуы адæймагæй) (шаловливый, беспокойный, неугомонный)» [11, 432-433].*

Наличие в толковании данных сем ставит принципиальный вопрос о выборе английского эквивалента. Оно же порождает мысли о том, каким был пастух, представленный в стихотворении. Был ли он сумасшедшим, а может, всего лишь беспокойным? Имела ли место психическая болезнь или речь идёт о безрассудном, импульсивном человеке? Представляется маловероятным, что в непосильных условиях жизни в горах, где скот – важнейший залог выживания и пропитания, в пастухи мог быть определён человек с психическим расстройством. Такой пастух был бы неспособен следить за стадом, обрекая на голодную смерть целое поселение. В случае поручения подобному человеку пасти скот, данное определение могло быть применимо ко всему сообществу. Ш.Ф. Джикаев, описывая пастуха, говорит о «состоянии аффекта и сильного психологического воз-

буждения». По его мнению, пастух «стал жертвой собственного воображения» [7, 42].

Поэтому выбор прилагательного *безумный* для названия произведения в переводе С.Ю. Олендера [12, 125] представляется не совсем удачным. Однако уже в тексте произведения переводчик использует, на наш взгляд, прилагательное, которое точнее отражает авторское отношение к пастуху – *чудной*. Несоответствие прилагательного, обозначенного в заглавии, прилагательному, используемому в тексте стихотворения, – приём, обоснованность которого трудно объяснить. Нам такая синонимическая замена представляется нецелесообразной. Такое лексическое расхождение вносит нежелательную двойственность в восприятие стихотворения: пастух – *безумный*, или, всё-таки, – *чудной*? В тексте оригинала всё неоднозначно, но имеет место повтор одной лексики.

Более оправданным представляется выбор эквивалента, подобранного Ю.С. Бадтиевым. Описывая пастуха, он использует эпитет «*шалльной*», что в большей степени соответствует авторскому образу пастуха [13]. Кроме того, в данном переводе, как и в оригинале, переводчик использует одно и то же определение и в названии стихотворения, и в его тексте.

Помимо прочего, в осетинском дискурсе *æрра* часто используется в ситуациях вербальной агрессии и даже в бытовых ситуациях в качестве инвективы. Инвективная лексика, как правило, представляет собой устойчивый языковой оборот, воспринимающийся в той или иной культурной традиции в качестве оскорбительного для своего адресата. Проследить такую функцию лексики несложно: *Æрра дæ, æви? Суазал уыдзæн! – сбустæ кодта Заремæйыл медицинон хо... (С ума сошла что ли? Замёрзнет же! – взмолилась к Зареме медсестра...)* [14].

Из большого ряда эквивалентных единиц английского языка выбор сделан в пользу прилагательного «*insane*», в целом, сопоставимого с исходным – он тоже описывает сумасшествие и безумие: *very stupid, crazy or dangerous (очень глупый или опасный); extremely annoyed (крайне раздраженный); angry (злой); having a serious mental illness that makes somebody unable to think or behave normally (имеющий серьезное психическое заболевание, по причине которого нельзя мыслить или вести себя нормально)* [15]. На выбор данного слова

с ударением на второй слог несколько повлияла ритмическая организация заголовка оригинала – ямбическая.

Трудности перевода возникают уже в начале стихотворения: Разночтения вызывает первая строка первой строфы **Раджы хохы цъуппæй касти – (Как-то ранним утром смотрел с вершины горы)** – она может иметь, как минимум, 2 варианта интерпретации. Лексема «*раджы*» имеет в осетинском языке 2 семы, одна из которых – «рано» (например, «рано утром»), а вторая – «давно», «прежде» [16, 343].

Следует отметить, что в ряде переводов данная лексема реализует сему давнего, происходившего раньше действия. Вероятно, такую экспозицию можно рассматривать как нарративный приём, повествовательный зачин, эквивалентный русскому «жили-были», английскому «once upon a time». Ввиду асимметрии языковых знаков не представляется возможным найти способ передачи обоих значений осетинского «*раджы*» в лаконичной стихотворной строке. Нам значение «раннее утро», «время суток» кажется принципиально важнее, чем значение «давно», «некогда». Мизансцена задаётся не только в пространстве – на вершине горы, но и во времени – это период, когда ещё не рассеялся утренний туман. Поэтому данная строка интерпретируется в переводе как *Early on the mountain height – (Ранним утром на горной высоте)*. Кроме того, впоследствии, строя планы, пастух собирается провалиться на облачке до вечера:

<i>Æз фæхуысдзынæн изæрмаæ</i>	<i>А я до вечера посплю</i>
<i>Уыцы бæмбæгыл...</i>	<i>На этой вате...</i>

Строки звучат в голове пастуха перед самым прыжком. Если он собирается провалиться на вате до самого вечера – логично предположить, что текущее время суток явно «вечеру» противоположно. Этот принципиально важный для нас маркер времени отражен в переводе.

Однако оппозиция «утро-вечер» – не единственная в данном произведении, которая достойна внимания переводчика.

Два члена оппозиции «гора-облако» по-разному обозначены в произведении. Мягкость и привлекательность облака эсплицируются и живописуются, тем самым противопоставляясь имплициримой твердости и недружелюбности горы. Можно считать это также оппозицией – «работа-отдых».

3 и 4 строки 1-ой строфы содержат сравнение – *Мигъ æнгом йæ быны бадти, Урс цагъд къуымбилау* (Под ним плотно лежало облако, Как белая шерсть.) Введение такого образного сравнения призвано описать «мягкость» и «пушистость» облаков. В тексте перевода сравнение облаков с шерстью заменяется на «мягко/бережно собранный хлопок» – *Just like a cotton softly gathered*. Возможно, замены образа шерсти, которая в оригинале является одним из компонентов вертикального сквозного смысла текста, поддерживает общую пастушью тему произведения и вызывает необходимые ассоциации и у осетиноязычного, и англоязычного читателя, можно было избежать. Более понятно и закономерно сравнение пастухом облачка, представителем скотоводческой общины, с шерстью, чем с земледельческим термином. С одной стороны, «хлопок» передает заложенную автором образность, с другой стороны, английское **cotton** – это и «хлопок», и «вата», упоминаемая автором в развитии описания облака-шерсти. Кроме того, выбор двусложного слова с ударением на первый слог оправдывает себя желанием сохранения метричности при переводе. Тем не менее, мы считаем, что этот фрагмент нуждается в доработке.

Спорной может быть трансформация: ноги-колени.

Дурыл авæрдта йæ къæхтæ: – *The vast rock on he puts his knees*
Он (быстро) встал на камень.

Заменяя «къæхтæ» (ноги) на **knees** (колени), мы создаем отличный от оригинала образ, и вот уже перед взором читателя перевода предстанет пастух на камне, коленопреклонённый. Такая поза придаёт совершённой действию некую осмысленность, сознательность. Но прыгнуть в такой позе представляется маловероятным, теряется идея пружинности импульса. В этой связи впоследствии планируется отказаться от данной трансформации, как искажающей авторский текст.

Рассмотрим также перевод финальной сцены, которая, на наш взгляд, имеет принципиальное значение в тексте. Приведем пример лексического добавления в последних строках перевода:

<i>Пуртийы зывытт фæласта ...</i>	<i>Бросился, как мяч...</i>	<i>He flew and flew into the vale,</i>
<i>Лæг ныххæррæгъ и!</i>	<i>Человек разбился вдребезги!</i>	<i>With only lasting groan.</i>

с длительным стоном – интерпретация прыжка. Такой оборот призван описать глубину долины и, что важнее, показать читателю осознание пастухом совершённой ошибки. Мечты о мягкой вате рассеиваются, понимание ужасной реальности приходит в последний момент.

Стихотворение Коста Хетагурова «Æрра фыййау» Н.Г. Джусойты считает «гениальной аллегорией» безрадостности судьбы юноши-горца, пастуха, – самого бесправного и обездоленного представителя крестьянской бедноты [17, 272]. И.В.Мамиева называет главного героя пастухом-мечтателем [18]. Поэт смог наполнить произведение трагизмом, вызвать сочувствие к своему персонажу, придать тайну его несуразному импульсу прыгнуть.

Выполненный перевод можно считать попыткой интерпретационного перевода, вербализацией визуальных образов, создаваемых каждым отдельным читателем, склонным к эмпатии, каковым является и переводчик. В последнем случае субъективность восприятия может способствовать искажению оригинального текста при трансляции в другую лингвокультуру, и поэтому подобная субъективность должна быть минимизирована.

1. Мукаржовский Я. Структуральная поэтика.– М.: Школа „Языки русской культуры», 1996. 480 С.

2. Булатова Н.Я. Роль переводов в сохранении и развитии языков коренных малочисленных народов Севера (на материале эвенкийского языка) // Научный вестник Ямало-Ненецкого автономного округа. 2020. № 1(106). С. 60-64.

3. Томеллери В.С., Сальватори М. Несколько соображений о переводе «Осетинской лиры» Коста на итальянский язык // Известия СОИГСИ. 2013. №10 (49). С. 10-19.

4. Дзапарова Е.Б. О новом переводе «Осетинской лиры» К.Л. Хетагурова на русский язык // Известия СОИГСИ. Школа молодых ученых. 2020. № 24. С. 215-226.

5. Олендер С., Шпирт А. Как мы переводили К. Хетагурова. Из поэтической практики // Литературная газета. 1939. №43. 5 августа.

6. Хетагуров К.Л. Осетинская лира: Думы сердца, песни, поэмы и басни. Владикавказ: Ир, 2019. 404 с.
7. Джикаев Ш.Ф. Образ пастуха в системе поэтики Коста Хетагурова // Вестник Владикавказского научного центра. 2009. Т. 9. №5. С. 40-44.
8. Скударь Е.В. Название (заглавие) литературного произведения. Размышления редактора // Вестник Московского университета. 2011. Сер. 10. № 2. С. 61-68.
9. Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Л.: АН СССР, 1958.Т. I. 655 с.
10. Осетино-русский словарь. Т.1. В 4-х т. Владикавказ: СОИГСИ ВНЦ РАН, 2016. 679 с.
11. Толковый словарь осетинского языка: в 4 т. / под общ. ред. Н.Я. Габараева; Владикавказский науч. центр РАН и РСО-А; Юго-Осетинский науч.-исслед. ин-т им. З.Н. Ванеева. М.: Наука, 2007. Т.I. (А-Æ.). 510 с.
12. Хетæгкаты Къ. Ирон фæндыр. Дзæуджыхъæу: Ир, 2002. 272 ф.
13. Осетинская лира: думы сердца, песни, эпические поэмы и басни / пер. с осет. яз. Ю.С. Бадтиева. Владикавказ: ИП Цопанова А.Ю., 2019. 287 с.
14. Ossetic National Corpus: [Электронный ресурс]: URL: http://corpus.ossetic-studies.org/search/context.php?doc_id=578&start_sent_no=&end_sent_no=&found1=1318.1&query=sid=76664&page=1&search_language=ossetics_corpus&interface_language=ru&contexts_output_language=ossetics_corpus (дата обращения 05.09.2022).
15. Oxford learner's dictionary: [Электронный ресурс]: URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/insane?q=insane> (дата обращения 05.09.2022).
16. Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Л.: Издательство «Наука». Ленинградское отделение, 1973. Т.II. 448 с.
17. Джусойты Н.Г. История осетинской литературы: Дооктябрьский период. Кн. I (XIX век). Тбилиси: Мецниереба, 1980. 332 с.
18. Мамиева И.В. Номинативно-метафорическое поле концептов УМ и БЕЗУМИЕ в фольклорных сюжетах «Осетинской лиры» Коста Хетагурова // Всероссийские Миллеровские чтения. 2016. №5. С. 428-437.

И.Г. Багаева,
студентка СОГУ им. К.Л. Хетагурова
Э.К. Хурумова
студентка СОГУ им. К.Л. Хетагурова
(г. Владикавказ)

ДЕВИЧЬЯ СУДЬБА В СТИХОТВОРЕНИИ «ВЕРЕТЕНО» Г.МАЛИТИ

Осетинская лирическая поэзия имеет свои традиции, которые уходят корнями в мифопоэтическую традицию, что обогащает поэтический нарратив и придаёт этноспецифичность лирическим образам. Г.Малити в стихотворении «Веретено» («Æлхуйнæ») рассказывает о зарождающемся чувстве любви в сердце молодой девушки, выразительными штрихами создаёт образ обречённой на её неосуществимость. В статье рассматриваются используемые автором стилистические средства, анализируются символические значения употреблённых слов.

Ключевые слова: лирическая поэзия, поэт, троп, аллитерация, метафора.

Ossetian lyric poetry has its own traditions, which are rooted in the mythopoetic tradition, which enriches the poetic narrative and gives ethno-specificity to lyrical images. G. Maliti in the poem «Spindle» («Ælhuynæ») tells the story of emerging feeling of love in the heart of a young girl, with expressive strokes creates an image of love doomed not to be realized. The article discusses the stylistic means used by the author, analyzes the symbolic meanings of the words used.

Keywords: lyric poetry, poet, trope, alliteration, metaphor.

Стихотворение «Веретено» («Æлхуйнæ») Георгия Малити можно считать образцом лирической поэзии [1]. Автор показывает зарождающееся чувство любви в сердце молодой девушки, но повествование о нём пронизано не ожиданием радости, а дышит безысходностью. Светлые и даже очень сильные чувства обречены на бесплотность в условиях жёсткого догмата общественно-семейного уклада.

Стихотворение написано в форме монолога-исповеди главной героини, что типично для такого типа произведений. Как и во многих других, в том числе и известных, например, как и в случае Татьяны Лариной или Наташи Ростовской [2; 3], признаниях в первом чувстве, это мнимая автобиографичность, так как переживания юной неискушённой героини пересказывает автор-мужчина. Г.Малити, в

свою очередь, делает это столь талантливо, что у читателя не возникает сомнений в достоверности сказанного, в правдоподобности описании эмоционального состояния девушки.

Сюжетная канва произведения не богата событиями: с крыши плоского горского дома девушка увидела всадника, встретила с ним взглядом. Этого мгновения было достаточно, чтобы её охватило волнение, жизнь главной героини после встречи с всадником полностью переворачивается и уже не будет прежней. Вернее, её личная драма в том и заключается, что внешне всё будет как прежде, её переживания останутся невыраженными, её мечты нереализованными, покорность воле старших в семье не даст прорваться наружу желанию счастья, не позволит ей предъявить право на любовь. Единственным поведенческим сигналом того, что произошло что-то неординарное, служит то, что у умелой пряжи сбилась работа, запуталась нитка вслед за её мыслями, на непродолжительное время эмоции затруднили ей работу. История закончилась, не успев начаться, и финал у нее трагический именно ввиду отсутствия возможности развития.

Интересным представляется в качестве заголовка выбор названия «простого, ручного орудия для пряжи, для ручного пряденья: деревянной, точеной палочки [4, 441]. Прядением шерсти занимались только женщины, поэтому веретено – это женский атрибут во многих культурах, в том числе, осетинской.

Выбор этого предмета в качестве названия программирует ожидание женской или девичьей истории. Г.Малити назвал своё произведение «Æлхуйнæ», потому что именно веретено было в руках у героини. Занятие привычно для неё, за прядением она и напевает про себя, и думает о своём:

*Мæхенимæр нидæн заргæ
Æз цидæртæ имистон.*

*Напевая про себя,
Я чего-то вспоминала*

Оттого, что в монотонной работе девушки происходит сбой, она задаётся вопросами.

Но героиня не овнешняет свою проблему, вопросы эти следует признать риторическими, не обращенными ни к кому кроме себя самой.

В тексте есть два обращения *Хуыцау* и *Нана*, апелляция к Богу –

Е.Б. Бесолова полагает, что осетинское слово *сау* «чёрный» является вербальной репрезентацией траура, поэтому наблюдается большое количество проклятий с определением *сау* [8, 57-58].

Поэтому использование автором в произведении данного колоронима может предупреждать о чем-то плохом. В тексте прилагательное употреблено трижды, а с учётом того, что первый катрен повторяется в несколько видоизменённом виде в заключении, фактически *сау* в стихотворении встречается пять раз.

В первый раз чёрный цвет приводится в экспозиции в описании всадника глазами героини: «*Сау нимæт æмæ сау бæх*» «Чёрная бурка да чёрный конь». Коннотации *сау* могут различаться даже в рамках одной строки. Цвет бурки *сау нимæт* может быть косвенным указанием на сословное неравенство и подразумевать бедность парня. А масть коня *сау бæх* можно рассматривать как импликацию молодцеватости всадника, джигита на вороном скакуне.

Кроме того, парное употребление колоронима создаёт образ символического «чёрного всадника», то есть несущего беду, не сулящего счастье. Этот образ тоже нельзя считать приметой только осетинского мифопоэтического мышления, он встречается в различных культурах.

В осетинской мифологии *Саубарæджы дзуар* «Святой покровитель Чёрного всадника» – божество-покровитель воров и разбойников. *Саубарæджы дзуар* всегда ездит на чёрном коне и в чёрных одеждах, предшествуя тем, кто собрался на грабительство или воровство. Считается, что он является антиподом Уастырджи [9, 120-121].

В знаменитом стихотворении К.Л. Хетагурова «Сидзæргæс» («Мать сирот») трагичность задаётся чернотой пейзажа, в первых строчках говорится о вороне, цвет которого хоть и не называется, но безошибочно угадывается, а уже скала, где имеют место события, определяется как «чёрная»:

<i>Халон баргъавст сындыл...</i>	<i>Коченеет ворон...</i>
<i>Уад тымыгъ хæссы...</i>	<i>Страшен бури вой...</i>
<i>Сау айнæджы рындыл</i>	<i>Спит на круче черной</i>
<i>Нары хъæу хуыссы...</i>	<i>Нар, аул глухой.</i>

Здесь автором посылается также предупреждение о трауре, трагедии, задаётся общая горестная интонация произведения.

Значение цвета в стихотворении «Веретено» является менее выраженным, на наш взгляд, в итоговом фрагменте при определении кинжала:

*«... мæ зæрди ... в сердце моё
Сагъд байдзадæй сау хъама»* *черный кинжал вонзён*

Чёрный кинжал в сердце – метафора незаживающей раны, обрекающей на вечные страдания.

Соматизм *зæрдæ* «сердце» также употреблено последовательно три раза в тексте произведения, подряд в трех катренах 4, 5 и 6-м. Первый раз сердце героини испепелено взглядом:

Мæ зæрдæ мин басугътонцæ, Сердце мне опалили

Данный часто встречающийся образ огня любви развивается в 5-м катрене, где сердце трепещет, задрожав:

Базир-зир кодта мæ зæрдæ, Задрожало моё сердце

А в 6-м катрене говорится о кинжале в сердце героини, которому наносится ещё и колющая рана. Эти явления можно считать элементами развернутой метафоры, состоящей из двух стёртых метафор и усиленной авторской метафорой.

Обращает на себя внимание и трёхкратное использование соматизма *цæститæ* «глаза». В первый и в третий раз, ввиду рамочной организации стихотворения, героиня говорит о том, что перед глазами у неё образ всадника:

*Мæ цæститæбæл уайунцæ Перед глазами у меня
стоят*

Мæ цæститæбæл гъазунцæ Перед глазами играют.

Потом – о глазах парня, обдавших огнём её сердце:

*Дууæ цæсти сурх зингау. Два глаза как красный
огонь*

Важно противопоставление глаголов *уайунцæ* – *гъазунцæ*. Если «играют» перед внутренним взором девушки сцены вчерашнего дня, то, возможно, хоть какой-то шанс на счастливый исход автор оставляет своей героине.

Сердце как вместилище эмоций противопоставляется голове как органу мысли, отвечающему за разумность поведения; в дан-

ном случае и сердце, и ум девушки объединены психосоматической реакцией, достаточно предсказуемой: задрожало сердце, закружилась голова –

Разилдæй мæбæл мæ сæр,

Голова моя закружилась

Нам представляется важным, значимое отсутствие соматизма «руки», которые ввиду душевного волнения и кружения головы перестают слушаться. Здесь имеет место метонимический перенос на орудие труда – девушка винит не себя, или, вернее, задаёт вопросы не себе, а веретену и пряже.

В пятом и шестом катренах, являющихся кульминацией произведения, можно вести речь не только о лексических тропах, но и фонетических. Для придания значимому фрагменту текста большей музыкальности и выразительности автором использована аллитерация:

*«базир-зир кодта мæ зæрдæ,
разилдæй мæбæл мæ сæр».*

Повторение согласных звуков присутствует в тех фрагментах, где девушка говорит о себе.

Наряду с аллитерацией присутствует в произведении Г. Мали-ти и ассонанс. Поэт использует прием повторение гласных звуков в произведении и тем самым создает интересный звуковой рисунок стихотворения. Ассонанс встречается практически на протяжении всего стихотворения. В пример можно привести первую строфу, где описывается монолог лирической героини.

*«Ци кæнуй, ме'лхуйнæ,
Ку нæбал дзелуй дзæбæх
Мæ цæститæбæл уайунцæ
Сау нимæт, æмæ сау бæх»*

Здесь автор использует повторение гласных звуков «æ», в некоторых моментах присутствует повтор звука «а».

В стихотворении «Æлхуйнæ» имеется также художественное использование автором грамматического времени. При описании эмоционального состояния героини используют глаголы в настоящем времени *кæнуй, дзелуй*:

*Ци кæнуй,
Ку нæбал дзелуй*

*Что происходит,,
Не крутится*

В данном эпизоде события происходят в настоящем времени.

*«Нæ уæлиндзæбæл æзинæ
Æз сундакъæ æлвистон»* *На крыше дома вчера
Я спокойно пряла.*

В этих строках происходят события в прошедшем времени.

Общая тональность стихотворение грустная, но к словам с выраженной отрицательной коннотацией следует отнести лишь слово *фыдбылыз* «беда, несчастье» [10, 368].

Данное сложное слово состоит из двух частей: *фыд-* + *-былыз* = *фыдбылыз*. Первая часть слова «*фыд*» несет в себе значение «плохое». А вторая часть сложного слова *-былыз* интерпретируется как «ситуация», «случай». От союза этих двух слов и рождается слово *фыдбылыз*, и несет это слово сугубо негативный характер.

Таким образом, в стихотворении «Веретено» автор показывает судьбу юной девушки, выросшей в строгих правилах поведения, регламентированных обществом. В стихотворении поэт умело описал девичий мир, отразив внутреннюю жизнь девушки: ее грусть, мечты, разговор со своим сердцем о будущем. Поэт использует художественно-стилистические приемы, такие, как эпитеты, метафоры, аллитерация, ассонанс, риторические вопросы. Все эти средства помогают автору создать полный трагизма нарратив, нарисовать экспрессивный образ главной героини, заставить читателя сопереживать её страданиям.

Веретено как символ прядения, структурирования собственной судьбы, неподвластной девушке, подчинённой условностям общества, законов, следует считать сквозной метафорой стихотворения.

Мимолётность происшедшего противопоставлена серьёзности последствий, и данное стихотворение – это история не о мимолётном чувстве: встречи как таковой не было, но чувство зародилось настоящее, сильное.

1. Малити Г. Уадзимистæ. Дзæуæгигъæу: Ир, 2005. 15 ф.
2. Пушкин А.С. Евгений Онегин: Роман в стихах. СПб.: Изд-во «Азбука классика», 2004.
3. Толстой Л.Н. Война и мир: Роман в четырех томах. Т. I-II. М.: ЭКСМО, 2008.
4. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. / авт.-сост. В. И. Даль. - 2-е изд. - СПб.: Типография М. О. Вольфа, 1880-1882.
5. Дигорско-русский словарь // Сост. Таказов Ф. М. Владикавказ: Издательство «Алания», 2003.
6. Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка: в 4 т. Т. IV. М.: Наука, 1989. С. 42.
7. Дзабиты З.Т. Ирон æвзаджы фразеологион дзырдут / под ред. Ю.А. Дзиццойты. 2-е изд., доп. Цхинвал: РЮО, 2003. С. 263-264.
8. Бесолова Е.Б., Абаева Ф.О. Отражение в семантике цвета национального менталитета в обрядовом тексте осетин // Вестник Академии наук Чеченской Республики. 2015. № 2 (27). С. 56-63.
9. Дзадзиев А. Б. и др. Этнография и мифология осетин. Владикавказ, 1994.
10. Ирон-уырыссаг дзырдут // Осетинско-русский словарь. 4 том. Владикавказ, 2019.

А.Е. Гобозова
магистрант 1 курса факультета
осетинской филологии СОГУ
им. К.Л. Хетагурова
К.И. Хетагурова
к. филол.н., доцент кафедры
осетинской литературы СОГУ

ЖАНРОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ РОМАНА НАФИ ДЖУСОЙТЫ
«КРОВЬ ПРЕДКОВ»

Роман Н.Г. Джусоева «Кровь предков» – первый осетинский исторический роман. В его основу положена карательная экспедиция в Южную Осетию. Композиционно произведение делится на две части: жизнь народа до карательных экспедиций и после. В статье рассмотрены жанровые особенности романа «Кровь предков». При его анализе были выявлены характерные признаки историко-героической песни, поэтому в работе важную роль занимает и осетинская историко-героическая песня.

***Ключевые слова:** исторический роман, историко-героическая песня, роман-песня, жанр, поджанр.*

Roman N.G. Dzhusoev «The Blood of Ancestors» is the first Ossetian historical novel. It is based on punitive expedition to South Ossetia. Compositionally, the work is divided into two parts: the life of the people before the punitive expeditions and after. The article considers the genre features of the novel «The Blood of the Ancestors». During its analysis, the characteristic features of the historical-heroic song were revealed, therefore, the Ossetian historical-heroic song also plays an important role in the work.

***Keywords:** historical novel, historical-heroic song, novel-song, genre, subgenre*

Одним из успешных шагов в развитии осетинской литературы является появление в 1963 г. первого осетинского исторического романа «Кровь предков», написанного выдающимся осетинским писателем, поэтом, драматургом, публицистом, литературоведом, переводчиком Нафи Григорьевичем Джусойты. Отдельной книгой он вышел в 1965 г. В основу романа положены исторические события – карательные экспедиции в Южную Осетию.

Джусойты Н.Г. не первый, кто взял за основу произведения события 1830-х гг., до него на эту тему написал драму «Башня кола» В.Г. Дзасохов и трагедию «Бега» М.П. Шавлохов.

В свое время произведения В.Г. Дзасохова и М.П. Шавлохова не были достаточно популярными, а трагедия Е.Ц. Бритаева «Хазби» была под запретом. Несмотря на это, роман Нафи Джусойты предстал перед широким кругом читателей и был высоко оценен.

Известно, что при написании романа Нафи Григорьевич использовал фольклорные тексты, в том числе и песни. Пользуясь методом интервьюирования, осетинский писатель уточнял исторические факты и обстоятельства, исследовал исторические документы для точности изложения событий и имен исторических личностей. Все эти факты подтверждают жанр исторического романа. Весь художественный вымысел произведения подчинен историзму.

Наряду с главной проблемой единения народов в романе поднимаются проблемы патриотизма, любви, актуальные интернациональные проблемы. Говоря о структуре произведения, прослеживается схожесть со структурой историко-героической песни.

Роман показывает жизнь до карательных экспедиций и во время. Композиционно произведение разделено на две части. Первая – это быт и мирная жизнь главных героев, а вторая – жизнь с наступлением войны. Благодаря этому приему полностью раскрывается психологизм героев произведения. В свою очередь внешняя композиция архитектурна – роман разделен на главы с индивидуальными названиями.

В романе «Кровь предков» выделяются такие сюжетные линии, как Ака и его противостояние грузинским феодалам и карательной экспедиции, Кирилл и разгадка тайны, отношения Бега и Олега, судьба Бабе и Мирмана и другие.

Идея автора заключена в контрасте – мирная жизнь героев противопоставлена их жизни во время карательной экспедиции. Автор раскрывает своих героев, показывает их в быту, а затем отправляет на войну.

Язык произведения богат различными художественно-образными средствами. Роман насыщен выражениями из кударского говора осетинского языка, архаизмами и, возможно, придуманными самим автором, словами и выражениями: «...чи та цъерихъилты сæрвасæнтæ цыргъ кæны» [1, 319].

Пролог существует как вступительная часть литературного произведения, он предваряет общий смысл, сюжет или основные мотивы

произведения. Роман начинается с безмолвной песни «Агомьг зарæг». Эта часть романа помогает читателю погрузиться в атмосферу произведения. Из нее мы понимаем, о чем будет идти речь, какова основа романа, мотивы и концепция. С первых строк мы замечаем героические мотивы, но можем ли мы назвать этот роман песней. О построении романа выразился Камерлан Бязрти: «Это роман-песня, автор остался верен поэзии. Роман внутренне построен так же, как и осетинская героическая песня. Как и в песне, герои романа погибают, защищая свободу и честь. Как и в песне, герои Бега Коцти и Ака Кабицти действительные исторические личности, как и в песне, действие романа ясно очерчено географическими и историческими рамками. Как и в песне, герои сражаются и погибают в одиночку, почти в одиночку, хотя защищают свободу и честь народа. В этом их трагедия» [2, 263].

Рассмотрим жанровые составляющие историко-героической песни. В первую очередь осетинская историко-героическая песня является отражением осетинской жизни, истории, культуры и быта [см. 3]. Большая часть героических песен осетин основана на реальных событиях, а действующие лица в них – исторические личности. При классификации песен, основываясь на этом факте, выделили жанр «Историко-героическая песня». Следующая важная особенность песен этого жанра – битва, в которой главный герой погибает. Смерть героя бывает иногда необязательна, это можно заметить в песнях о Махамате Томаеве, Хамыце Хамицаеве, Коста Хетагурове, Иссе Плиеве и других.

Говоря о песне, на основе которой был написан роман «Кровь предков», из общей сюжетной линии мы выделяем пребывание в плену главных героев. Нафи Джусойты не стал менять обстоятельства гибели героев, что опять же указывает на историчность романа. Некоторые критики выражали свое скептическое отношение к авторскому завершению романа. Обосновывая это тем, что в художественном произведении героям можно было пророчить «славную» смерть, так как структура романа позволяет художественности ярче проявляться. А.Х. Газдарова выразила свое мнение, относительно романа в своей монографии. Она говорит о том, что гибель героев на поле битвы является одним из важнейших фактов возникновения героической песни [см. 4]. Исходя из этого, роман Н. Джусойты утрачивает свои связи с историко-героической песней.

Вышеперечисленные обстоятельства возникновения историко-героической песни с ее особенностями и исключениями, связанными со смертью героев, указывают на историко-героическую связь романа и песни, что впоследствии может определить жанр произведения «Кровь предков» как роман-песню.

Важную роль играет пролог – это безмолвная песня. Начало романа с такого пролога задает тон и ритм, это дополнительный факт для соотнесения романа с историко-героической песней. Безмолвную песню поют горы, повествование идет от их лица: «Æгомгы сты хæхтæ. Зарын нæ зонынц, дзурын нæ зонынц. Æрмæст æнусты дæргъы хъусынц. Æрмæст æнусты дæргъы кæсынц дзагъырдастæй» [1, 313]. Так начинается пролог. Эти строки раскрыли историзм романа, они увековечили события, о которых написан роман. Необходимо также отметить, что завещание является формой пролога: «...кæд цæрæн нал ис, уæд фæлтау мæлæт – тохы быдыры. Æгады цардæй мæлæт хуыздæр у!» [1, 316]; «Хъусут, фæстагæттæ?!» [1, 317].

Роман «Кровь предков» как первый исторический роман полностью соответствует своему жанру. Исторические события, показанные в романе, тесно переплетены с вымышленными действиями персонажей, этот факт значительно расширяет и углубляет содержание произведения. Автор воплотил в эстетических образах историческую судьбу осетинского народа. Он поднимает проблемы патриотизма, единства народа, чести и достоинства, таким образом, раскрывает национальную идею в романе. В свою очередь осетинская историко-героическая песня выполняет те же функции.

Основная художественная линия раскрывается благодаря системе образов. Нафи Джусойты изобразил в своем произведении настоящие осетинские характеры, создал впечатляющие образы. Они внушают нам доверие и дают надежду. У каждого из героев свой портрет, нрав, манера речи – их характеры индивидуальны. Каждый из них раскрывается в определенных обстоятельствах жизни.

Важно то, что успех исторического романа зависит от диалектического взаимодействия воображения и документа, исторической правды и художественного вымысла [см. 5]. Произведение отличается историзмом, аналитичностью, наличием четко сформированных социальных позиций, глубиной художественной мысли. Роман основан на серьезном и вдумчивом изучении исторического мате-

риала, особенно ценно обращение к прошлому.

Исходя из всего вышесказанного, мы можем выделить новый поджанр романа и назвать произведение Нафи Григорьевича «романом-песней». В связи с этим более глубокое изучение историко-героической песни и романов сродни роману «Кровь предков» позволит нам выделить больше произведений в новый поджанр романа.

1. Джусойты Нафи. Уацмысты æмбырдгонд. Т.6. Владикавказ, 2015. 583 с. (на осет. яз.).

2. Бязарти К. Эстетические принципы и историческая правда // Дружба народов. 1966. № 6. С. 263–264.

3. Хозиева И.Х. Жанр осетинской историко-героической песни. Программа и методические указания для студентов факультета осетинской филологии. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2013. 26 с. (на осет. яз.).

4. Газдарова А.Х. История и современность в художественной интерпретации Нафи Джусойты. Владикавказ, 2002. 138 с.

5. Юрина В.И. Жанрообразующие признаки исторического романа // Филология, лингвистика. Молодой ученый. 2020. №17. С. 447–449.

НАУЧНЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ

Старший научный сотрудник отдела фольклора и литературы СОИГСИ им. В.И. Абаева, кандидат филологических наук Елизавета Борисовна Дзапарова стала лауреатом Государственной республиканской стипендии имени В.И. Абаева на 2022-2023 учебный год.

Стипендия имени Василия Ивановича Абаева учреждена распоряжением Правительства Республики Северная Осетия-Алания от 26 января 2001 года №17-р и назначается молодым (до 40 лет) ученым и аспирантам, а также студентам, обучающимся по очной форме в образовательных организациях высшего образования, проявившим значительные успехи в научной деятельности в области осетинского языкознания. Размер стипендии – 8000 рублей в месяц.

Е.Б. Дзапарова – автор более 100 научных работ. Сфера научных интересов молодого ученого – сравнительное литературоведение, история осетинского литературоведения, новейшая осетинская проза, теория и практика художественного перевода.

Поздравляем Елизавету и желаем дальнейших творческих успехов!

7-9 октября в г.Владикавказе состоялись мероприятия X Владикавказской Региональной площадки Всероссийского Фестиваля науки (ВРП ВФН).

Всероссийский Фестиваль науки в 2022 году приурочен к старту в Российской Федерации десятилетия науки и технологий, а также к

Международному году фундаментальных наук в интересах устойчивого развития. Главный слоган Фестиваля науки 2022 года: «Создавая будущее!».

Соорганизаторы ВРП ВФН: Министерство образования и науки РСО-А; Владикавказский научный центр РАН; Министерство культуры РСО-А.

В мероприятиях ВРП ВФН приняли участие научные организации ВНЦ РАН, вузы, ссузы, учреждения дополнительного образования, школы, общественные организации.

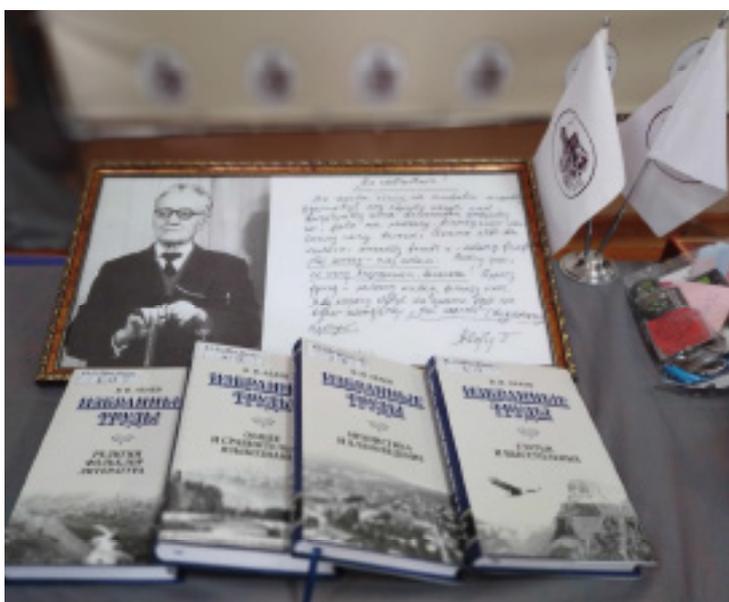

7 октября на базе Северо-Кавказского горно-металлургического института (СКГМИ) была развернута Выставка научных достижений «Наука – Обществу» с результатами научно-исследовательской, научно-технической, научно-производственной, издательской деятельности организаций-участниц: модели, макеты, презентации продукции, свидетельства об интеллектуальной собственности, патенты на изобретения, научная литература, учебные пособия и т.д. СОИГСИ им. В.И. Абаева по традиции представил фольклорно-этнографическую экспозицию, а также большой массив научной литературы.

В рамках конференции «Популярная наука» (Лекторий докторов наук) с научно-популярным докладом «Мифологические основы осетинского фольклора» выступила ведущий научный сотрудник

отдела фольклора и литературы СОИГСИ, доктор филологических наук Диана Вайнеровна Сокаева.

8 октября в рамках научно-популярных мероприятий ВРП ВФН в СОИГСИ состоялась презентация Центра иранистики им. В.И. Абаева. Центр был создан к 120-летию В.И. Абаева, в нем сосредоточены: библиотека В.И. Абаева, переданная ученым в дар СОИГСИ; выборка документов из Научного архива СОИГСИ, связанного с деятельностью В.И. Абаева; материалы В.И. Абаева, хранящиеся в Центре скифо-аланских исследований. Также прошел показ научно-популярных фильмов «Этнографическое кино» с последующим обсуждением этнографического фильма из видеоцикла «Къона» «Нымæт», снятого при поддержке Президентского фонда культурных инициатив. В основе сюжета – древняя традиция валяния войлока и фольклорное сопровождение этого трудового процесса.

ИЗВЕСТИЯ СОИГСИ. ШКОЛА МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

Вып. 31, 2022

Научный журнал

Технический редактор — *Е.Н. Маслов*

Компьютерная верстка — *А.В. Черная*

Дизайн — *Е.Н. Макарова*

Подписано в печать 15.12.2022.

Формат бумаги 70×108 ¹/₁₆. Бум. 80 гр.

Печать цифровая. Гарнитура шрифта «Myriad»

Усл.п.л. 10,5. Тираж 100 экз. Заказ 173.

СЕВЕРО-ОСЕТИНСКИЙ ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ И СОЦИАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
им. В.И. АБАЕВА – ФИЛИАЛ ФЕДЕРАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО БЮДЖЕТНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ
НАУКИ ФЕДЕРАЛЬНОГО НАУЧНОГО ЦЕНТРА «ВЛАДИКАВКАЗСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР РОССИЙСКОЙ
АКАДЕМИИ НАУК»

362040, РСО-А, г. Владикавказ, пр. Мира, 10

Отпечатано ИП Цопановой А.Ю.
362002, РСО-А, г. Владикавказ, пер. Павловский, 3
e-mail: rio-soigsi@mail.ru